

Кирххорст , Целле , Бланкенбург ,
 Хальберштадт , Ботфельд , Бельзен ,
 Грефферн , Карлсруэ , Камышовая хижина
 , Баден-Оос , Эттлинген , Вёссинген ,
 Ф л е х и н г е н ,
 Иффецхайм , Хижина в пойменном лесу
 , Фридрихсталль , Шпайер , Вайденталь ,
 Каульбах , Грумбах , Идар
 Б е ш а й д
 , Вельшбиллиг , Линтген , Рамбрух ,
 Нёфшато , Живон , Бульзикур , Думли
 Бюси-ле-Пьерпон , Ландифе , Жерси, Тули
 , Лан , Эссом , Монмирай , Ромилы-сюр-Сен ,
 Бурж , Ле Таллан , Парасси , Ферма Ле Каду ,
 Мэзон ля Фюме , Ла Тюильри
 , Пези-Кодон , Вильшетиф , Дьенвилль
 , Во-сюр-Блэз , Клерфонтен , Нёвиль-ле-Вокулёр ,
 Гондревиль , Салонн , Эделинген ,
 В а д г а с е н

Эрнст Юнгер

Сады и дороги

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67829922
Сады и дороги: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2022
ISBN 978-5-91103-626-3

Аннотация

Дневниковые записи 1939–1940 годов, собранные их автором – немецким писателем и философом Эрнстом Юнгером (1895–1998) – в книгу «Сады и дороги», открывают секстет его дневников времен Второй мировой войны, известный под общим названием «Излучения»

(«Strahlungen»). Французский перевод «Садов и дорог», вышедший в 1942 году, в один год с немецким изданием, во многом определил европейскую славу Юнгера как одного из выдающихся стилистов XX века.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
1	5
2	8
3	11
4	14
5	16
6	20
7	23
8	25
Сады и дороги	27
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Эрнст Юнгер

Сады и дороги

© 1942, 1979 by – Klett-Cotta – J. G. Cotta'sche
Buchhandlung Nachfolger GmbH, gegr. 1659, Stuttgart

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

Предисловие

1

На этих страницах упоминается дневник семерых матросов, в 1633 году зимовавших на небольшом острове Сен-Морис в Северном Ледовитом океане¹. «Гренландское общество» Голландии высадило их там с их согласия для изучения арктической зимы и астрономической полярной ночи. Летом 1634 года, когда китобойная флотилия возвращалась обратно, на острове был обнаружен дневник и семь бездыханных тел.

Одновременно с этим эпизодом в другой части планеты вновь разгорелся великий спор о свободе воли, затеянный Лютером и Эразмом. За теологическим разногласием последовало и политико-территориальное размежевание. В 1634 году в Эгере был убит Валленштейн² – наступил момент

¹ Арктический остров вулканического происхождения на современных картах носит название Ян-Майен. Автор пользовался этим изданием дневника: Ein Tagebuch geführt von sieben Seeleuten, welche auf der Insel St. Maurice (Jan Mayen) bei Grönland in den Jahren 1633 bis 1634 überwinterten und sämmtlich auf dieser Insel starben. Anlage II // Die Österreichische Arktische Beobachtungsstation auf Jan Mayen 1882–1883. Wien: Verlag von Gerold & Co., 1882. – *Здесь и далее – примечания редактора русского перевода.*

² Альбрехт Венцель Эвсебий фон Валленштейн (1583–1634) – герцог Фрид-

некоторого замедления. Напротив, смерть Колиньи³ в 1572 году представляется нам упрощением и ускорением развития в рамках рисуемой картины.

Мы судим так потому, что в централизованном государстве со всеми типичными для него чертами обычно усматриваем цель, которой мировой дух стремится достичь посредством цепочки искусных ходов. А посему триумф Ришелье и Кромвеля кажется нам исполненным смысла, тогда как крушение Валленштейна предваряет эру второстепенных и третьестепенных держав.

Но кому вообще известны истинные исторические величины и обратная сторона тех медалей, которые чеканит сознание? Кто знает, что потеряла Франция в Варфоломеевскую ночь и что на самом деле предотвратила несчастливая звезда Валленштейна? Однако всё это – не более чем досужее мудрствование, коему предаешься, сидя у камина или коротая время в часы бессонницы. Зачастую мы переоцениваем значение политических фигур и отдельных шахматных ходов.

За сто лет до того, как люди, умирая от цинги, вели на Святом Маврикии свой дневник, Коперник сделал набросок новой космографии. Вполне справедливо, что даты подобно-

ландский и Мекленбургский, австрийский полководец и государственный деятель времен Тридцатилетней войны; убит собственными офицерами, несогласными с его политикой, направленной на поиски мира.

³ Гаспар де Шатийон Колиньи (1519–1572) – адмирал Франции, глава гугенотов; убит в Варфоломеевскую ночь.

го рода кажутся людям важнее, нежели даты политической и военной истории. Ведь они к тому же сопряжены с несравненно более серьезной опасностью. В 1633 году престарелый Галилей предстал перед судом инквизиции. Приписываемая ему знаменитая фраза «Е pur si muove!»⁴ относится к числу наших судьбоносных изречений; видно, как крепко разум держится последнего слова.

Между тем мы постепенно свыклись с мыслью, что обитаем на некоем шаре, со скоростью пули несущемся в глубинах пространств навстречу космическим вихрям. Уже во времена Рембо быстрота езды превосходит всякое воображение. И любой антикоперниканский ум, пытаясь осмыслить ситуацию, в какой-то момент понимает, что неизмеримо проще наращивать движение, нежели снова вернуться в спокойную колею. На этом зиждется преимущество нигилиста перед всеми остальными. Тем же объясняется и крайняя рискованность намечающихся в наши дни теологических акций. Существует такая степень скорости, для которой все покоящиеся предметы вдруг становятся опасными и принимают форму снаряда. В арабских сказках достаточно упоминания Аллаха, чтобы настичь и поразить летящих джинов словно падающей звездой⁵.

⁴ «И всё-таки она вертится!» (*итал.*)

⁵ Ср. Коран. 72:8–10.

Те семь матросов уже являются персонажами коперниканской вселенной, для которой, кроме всего прочего, характерно стремление к полюсам. Их дневник – это новая литература, а ее главный отличительный признак – отделение мысли от объекта, автора от мира. Отсюда следует великое множество открытий. Неотъемлемая часть этого мира – добросовестное наблюдение, крепкое сознание, одиночество и, наконец, боль.

С тех пор рядом с умершими людьми было найдено и опубликовано посмертно немало подобных дневников. Живущие ныне тоже дают возможность познакомиться со своими записками; со времен *doners chez Magny*⁶ с этим больше не связано никакого риска. Дневниковый характер становится скорее отличительной приметой литературы. Причин тому много, и вышеупомянутая скорость – не самая последняя. Восприятие, разнообразие оттенков могут усиливаться до такой степени, что – как хорошо видно на примере современной живописи – грозят разрушить всякую форму. В противоположность этому дневник как литературный жанр является оптимальным средством. А в тотальном государстве он, по существу, остается последним из возможных спосо-

⁶ Торжественных обедов Маньи (*франц.*). Оливье де Маньи (1530–1561) – французский поэт, участник Плеяды, секретарь Генриха II.

бов диалога.

Даже в философском отношении ситуация становится опасной, когда сочинение в чем-то уподобляется вахтенному журналу. «Воля к власти» – первый и наиболее яркий пример. Это заметки, сделанные во время путешествия по морям: они позволяют заглянуть в пучины Мальстрёма, откуда внезапно всплывают чудовища. Мы видим штурмана: он следит за приборами, которые постепенно раскаляются, он обдумывает курс и свою цель. Он изучает возможные пути, маршруты на краю земли, на которых практический ум должен потерпеть крушение. Духовное осознание катастрофы более страшно, нежели реальные ужасы объятого пламенем мира. Пойти на риск готовы лишь самые отважные, крепкие умы, они доросли до масштабов события, но еще не знают, какой груз придется взвалить на плечи. Так была сломлена судьба Ницше, бросать камни в которого считается сегодня хорошим тоном. После землетрясения разбивают сейсмографы. Но не стоит наказывать барометр за тайфуны, если не хочешь быть причисленным к дикарям.

По, Мелвилл, Гёльдерлин, Токвиль, Достоевский, Буркхардт, Ницше, Рембо, Конрад часто оживают на этих страницах в роли авгуров Мальстрёма, бездны, затягивающей нас в свою пучину. К числу сих недюжинных умов относятся также Леон Блуа и Кьеркегор. Они предвидели катастрофу до мельчайших подробностей. Их иероглифические тексты зачастую казались нам непонятными, а до некоторых из

них мы как читатели созрели только сегодня. Они подобны транспарантам, надпись на которых проступает лишь в огненном зареве нового мира.

И опять Библия выдержала испытание как Книга книг, пророческая в отношении нашего времени. Впрочем, не только пророческая. Она дарует высшее утешение, являясь для многих источником всякой мудрости и проводником сквозь все ужасы мира. Погружаясь в чтение, начинаешь отчетливо понимать, что стала необходима как новая теология сама по себе, так и экзегеза в духе XX столетия. Наброски такой экзегезы пронизывают собой настоящие записки. Они сделаны для собственного употребления, но, возможно, укажут кому-нибудь путь к методике, к самостоятельному вниканию. Методологическим импульсом я прежде всего обязан Леону Блуа, чьи труды также упоминаются на этих страницах. Его я хотел бы непременно рекомендовать молодым немцам, хотя и предвижу сильнейшее возражение. В свое время я превозмог подобную антипатию – ведь нынче нужно следовать истине везде, где бы ее ни встретил. Как и луч света, она не всегда освещает приятные места. Вообще же литературная нить тянется по лабиринту дневников, основываясь на потребности в духовной благодарности, которая, в свою очередь, тоже не может пропасть для читателя даром.

«Излучения» – таков заголовок для всего секстета дневников, первый из которых появился еще в годы войны, а последний – уже много позже, когда отгремело оружие⁷. Теперь все части составляют единое целое, картину катастрофы, которая поднимается подобно грозной волне, с грохотом накатывается и отступает. Она настигла каждого, захлестнув всех сразу.

Излучения – под этим прежде всего понимается впечатление, которое производит на автора мир и его предметы, тонкое чередование света и тени. Темы складываются из множества оттенков, нередко противоречивых и даже полярных, как «Восток и Запад» и прочие важные темы нашего мира, которые согласуются внутри нас.

Существуют светлые и темные излучения. Совершенно темными являются грандиозные метастазы страха, что с момента окончания Первой мировой войны вторгаются в нашу эпоху и болезненно разрастаются. Они оттеняют даже самую малую радость.

⁷ «Сады и дороги», «Первый Парижский дневник», «Кавказские заметки», «Второй Парижский дневник», «Листки Кирххорста», «Хижина в винограднике» («Годы оккупации»). Рус. пер.: Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / пер. Н. Гучинской, В. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002; Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948) / пер. И. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007.

Лучи мы получаем также благодаря человеку, благодаря ближним и дальним, благодаря другу и недругу. Кому известны последствия взгляда, вскользь коснувшегося нас, кому известно действие молитвы, вознесенной за нас неизвестным? Гороскоп показывает констелляцию лучей при рождении подобно граням алмаза. Первым порывом жизни после оплодотворения является тончайшее излучение – увертюра индивидуализации. В каждое мгновение нас обвивают пучки света, касаются, обволакивают и пронизывают нас.

Кто знает, кто постиг эту энергию вокруг наших тел, наших чувств, нашей души – тот порядок, то балансирование, которое мы не можем не осуществлять? Даже красота противоречит себе, как то доказывает усталость, вызываемая прогулкой по картинным галереям, этим собраниям шедевров. Мы неутомимо направляем потоки света, снопы лучей, пытаемся привести их в гармонию, возвысить до уровня образов. Ведь это и значит жить!

В функционировании высшего порядка космические и земные лучи переплетаются так, что высвечивается осмысленный узор. Его появление – знак того, что жизнь людей, жизнь народов удалась. Цветы – символы таких узоров, отсюда «cultura»⁸, и отсюда их роль в сравнениях. Отсюда глубокое и нередко трогательное стремление народа к произведениям искусства. Оно объяснимо, ибо если осмысленные узоры удались лишь на площади шириной в ладонь, зна-

⁸ Здесь: возделывание (*лат.*).

чит, они вполне могут заполнить и более обширные области. При таком положении нет нужды опасаться даже массового упадка. В произведении искусства заложена колоссальная направляющая сила.

Излучения – автор улавливает свет, отражая его на читателя. В этом смысле он выполняет подготовительную работу. Чтобы сначала гармонизировать, а затем оценить богатство образов, то есть: согласно тайному ключу снабдить светом, который соответствует их рангу. Свет означает здесь звук, означает жизнь, сокрытую в словах. Некий метафизический учебный курс по символике: установление порядка зримых вещей в соответствии с их незримым рангом. Согласно этому принципу должно строиться каждое произведение и каждое общество. Пытаясь реализовать его в слове, в игре картин, являемой в чередѣ будней, мы упражняемся в высшей дисциплине.

Одно безукоризненное предложение способно доставить не только удовольствие. В нем живет некое распределение света и тени, некое тончайшее равновесие, которое распространяется и на другие сферы, даже несмотря на устаревание языка. Оно таит в себе силу, благодаря которой архитектор чертит план дворца, судья взвешивает последние аргументы за и против, а больной в период кризиса обретает возможность отыскать врата жизни. Запись оказывается крайне рискованным предприятием, требует серьезной проверки и размышления, подобно тому, с каким ведут в атаку полки. И если есть на свете волшебные кольца, то лишь там, где это

сопротивление преодолевается волей к созиданию.

Служение поэта – одно из самых возвышенных в нашем мире. Когда он преобразует слово, вокруг него начинают толпиться призраки; они чувствуют, что в жертву приносится кровь. Поэт не только заглядывает в будущее как пророк, он вызывает его заклинаниями или, наоборот, отвращает его. Низшие, темные уровни господства над словом имеют магический характер; и Гёте выразил это в стихах:

*Когда бы магия с моей дороги удалась,
Душа бы сразу заклинаньям разучилась...⁹ –*

они намекают на пережитое могущество и страдание.

Как и многие его стихи, эти тоже звучат как молитва. Магия должна быть в слове всегда, иначе оно лишится силы. Только она должна таиться в глубине, как в крипте. А над ней уже поднимаются своды языка навстречу новой свободе, которая одновременно преображает и сохраняет слово. Этому способствует и любовь; в ней заключена тайна мастерства.

Преображение дает о себе знать в жизненном росте, в обогащении языка. Если уж мы решили придерживаться образа излучения, то нельзя не упомянуть и о целительных лучах. Та часть слова, которая вызывает чистое движение, – будь то движение воли или чувств, – должна исчезнуть, уступив место другой его части, что обнажает его чудесную сердцевину.

⁹ Фауст. II. 5.

Шестью этими дневниками мое авторство в период Второй мировой войны и ограничилось, если не учитывать обширной переписки да небольших сочинений. К числу последних относится трактат «Мир»¹⁰, предыстория которого вплетена в парижскую часть записок. Вопреки фактам ошибочно полагают, будто это воззвание стало результатом поражения. До сих пор приходится считаться с таким примитивным истолкованием, да еще и оправдываться перед недоброжелателями. Однако в своей работе я неизменно плыл против течения и никогда не двигался в кильватере господствующих сил. Первый набросок сочинения я сделал как раз во время наиболее широкого развертывания немецкого фронта. Цель сочинения была чисто личная; оно должно было служить моему совершенствованию — в известном смысле стать упражнением в добродетели справедливости.

Приближение катастрофы свело меня с теми людьми, которые отважились на ужасный риск: низвергнуть колосс прежде, чем он обрушится в бездну и увлечет за собой свою бесконечную свиту. Я не только иначе оценивал обстанов-

¹⁰ Трактат «Мир» («Der Friede») задуман Юнгером как манифест еще в декабре 1941 года, закончен в сентябре 1943-го. Сначала распространялся в списках, впервые напечатан в Амстердаме в 1946 году (из-за запрета британских оккупационных властей публиковаться в Германии). Рус. пер.: *Юнгер Э. Мир. Слово к молодежи Европы и молодежи мира* / пер. А. Климентова. М.: Вече, 2018.

ку, но и чувствовал себя частью другой субстанции, если не считать таких мусических умов, как Шпайдель¹¹ и Штюльпнагель¹². Прежде всего я придерживался убеждения, что без Суллы всякая претензия на плебисцитную демократию неизменно должна привести к дальнейшему укреплению низменных сил.

И всё же бывают ситуации, когда не следует рассчитывать на успех; тогда, конечно, оказываешься вне политики. Так поступили и эти мужи, а посему они морально выиграли там, где проиграли исторически. Это тот случай, когда принесенные жертвы венчает не победа, а поэзия.

Я счел за честь внести свою посильную лепту и потому дал своему сочинению подзаголовок «Воззвание к молодежи Европы». Между тем его влияние ощущалось и в узком кругу единомышленников, которые как бы ждали условного слова. Роммель прочел его до того, как отослал свой ульти-

¹¹ Ханс Эмиль Шпайдель (1897–1984) – полковник, начальник штаба оккупационных войск во Франции (располагался в отеле «Мажестик»), при котором служил Эрнст Юнгер. Был главным вдохновителем встреч в отеле «Рафаэль» и салоне «Георг V» (так называемый «кружок Георга»), в которых, помимо образованных офицеров, участвовало немало известных немецких интеллектуалов, в том числе Фридрих Зибург, Герхард Небель, граф Подевилльс (см. «Парижские дневники»). Был арестован вместе с другими заговорщиками после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, однако признан невиновным. После войны служил командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

¹² Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель (1886–1944) – генерал, с марта 1942 года командующий оккупационными войсками во Франции. Один из руководителей заговора против Гитлера. Повешен 30 августа 1944 года.

матум. Прямое попадание бомбы, настигшей его по дороге в Ливарот 17 июля 1944 года, лишило план тех единственных плеч, которые только и были способны выдержать неимоверную тяжесть двойного бремени: войны и гражданской войны, — единственного мужа, который был достаточно наивен, чтобы противодействовать крайне безыскусному плану покушения. Гибель Роммеля стала недвусмысленным предзнаменованием его краха. В те дни я научился тому, чему меня не могли научить все исторические книги и даже «Кориолан» Шекспира, к которому я часто обращался за поддержкой. В моих записях об этом упоминается лишь вскользь, ибо их задача — не политическая, а педагогическая, автодидактическая в высшем смысле: автор приглашает читателя участвовать в процессе его собственного развития. Кроме того, нелишне заметить, что в ту пору я уже устал от мельтешения картинок политической истории и не рассчитывал, что еще один поворот калейдоскопа всё изменит к лучшему. Новый плод должен вызреть в человеке, а не в системах.

В этом смысле сочинение о мире уже стало для меня историей в тот момент, когда сопротивление в Германии угасло. Я посвятил его своему сыну Эрнстелю, который незадолго перед тем был освобожден из тюремного заключения и добровольцем пал под Каррарой. С его смертью связана для меня такая же горечь, как и с моим авторством. Я, пожалуй, предвидел, что мы погрузимся в те пласты, где больше не остается заслуг и где ничто, кроме боли, не имеет ни веса,

ни ценности. Но боль возвышает нас в сферах иных, в истинном отечестве. Там ничто уже не в силах повредить нам, если здесь мы смогли выстоять в безвыходном положении, на брошенном посту.

«Мир» тем временем курсировал в виде оттисков и списков. У пуль и книг свои судьбы. Некоторым видится парадокс в том, что воин ведет речь о мире. Возражая на замечание, хотелось бы сказать, что лишь его подпись дает кредит слову. Не напрасно древние привлекали к мирным договорам народных богов войны, представляемых жрецами.

Я просто пожелал своему сочинению счастливого пути. Мое положение в ту пору было сродни положению семерых матросов в Ледовитом океане, а в таком настроении человек легко срывается в ненависть. Она никогда не была моей вотчиной. Напротив, вполне возможно, я обратил взор к одной из тех звезд, которых никогда не достигнуть при жизни. Так сочинение это стало для меня еще дороже, ибо авторство — это отцовство, а наши симпатии всегда на стороне тех детей, коим судьба не даровала счастья.

В первом из шести дневников, «Сады и дороги», изображено немецкое продвижение по Франции. Книга быстро приобрела известность. В ту пору мне нравилось прибегать к картинкам-загадкам, из которых люди (или те, кто хотел оставаться ими) могли бы извлечь описание нашего положения. К числу таких головоломок относится и упоминание 73-го псалма. Минул год, арабеска получила хождение; тогда благодаря министру народного просвещения появление нового переиздания оказалось напрямую зависящим от того, будет ли вычеркнуто соответствующее место или же нет. Когда я ответил отказом, «Сады и дороги» включили в список запрещенных книг, и в нем они оставались довольно долгое время. Смена авторитетов в современном государстве изменяет аргументацию, но не практику насилия. При любом отклонении от нормы тебя на всякий случай объявляют опасным. Гонители сменяются, облавная охота идет дальше.

Благодаря некоторым встречам я узнал, что этот первый раздел серии дневников под названием «Routes et jardins»¹³ вскоре обрел друзей и во Франции. Хорошая идея дружбы между обеими странами вследствие противодействия злых сил постепенно утратила вес, и всё же многое будет зависеть от того, удастся ли отстоять ее снова. То, что ее осуществле-

¹³ «Дороги и сады» (франц.).

ние во время войны было невозможно, — большая трагедия для сторонников этой идеи в обеих странах. Я видел, как они за нее погибали.

Единственный способ избежать катастрофы (коль скоро война уже разразилась) заключался в незамедлительном заключении мира с Францией, подобно тому, как Бисмарк заключил мир с Австрией. Демон масс всегда предпочитал мимолетные триумфы и холод ненависти. Если говорить принципиально, было бы даже лучше, чтобы при выяснении сути конфликта доискивались первопричин. Речь, в конце концов, шла о том, есть ли будущее у национального государства в XX веке, или же оно обречено. Вопрос разрешился в пользу империй, как и было предсказано. В этом отношении Германия проиграла войну вместе со всеми национальными государствами, точно так же как она проиграла Первую мировую вместе с другими монархиями. Соответственно, в ту пору я считал для нас разумным примкнуть к России, тогда как сегодня очевидна комплементарная связь Германии не только с Францией, но и со всеми европейскими государствами.

Можно предвидеть, что при любом обострении напряженности между Востоком и Западом основным пострадавшим окажется Германия. И эта напряженность не уменьшится, если обе чудовищные державы, грядущий подъем которых столь отчетливо осознал уже Токвиль, разрастаясь, укрепятся и начнут притягивать к себе державы, лежащие между двумя полюсами. Подобный сценарий развития расколосил бы

Германию на атлантическую и континентальную части, как в свое время Тридцатилетняя война рассекла ее на северную и южную половины. На основании этого мы и обязаны содействовать мирному разрешению проблемы, и наш вклад, согласно сложившемуся положению вещей, может быть только духовным.

Излучения. Что касается формы, то автор является приверженцем как волновой, так и корпускулярной теории света, а это значит, что действовать должны как идеи, так и картины – и притом одновременно: в языке логические фигуры сплавляются с идеограммами *style image*¹⁴.

Мы верим, что создание нового стиля скрывает в себе единственный неуловимый шанс сделать жизнь терпимой. Такого рода стиль обретается лишь в продвижении вперед. Последний сухостой романтизма уничтожило пламя. Равным образом стала очевидной и безотрадная пустота классицизма. Путь к огню лежит через музеи. Консервативное притязание, – будь то в искусстве, политике или религии, – выдает вексель на несуществующие уже больше активы. Так говорил Гюисманс, духовный наставник толп верующих, которых сегодня паника гонит к алтарям.

Реализм, напротив, меньше обещает, но чаще сдерживает слово. Он отказывается от умозаключений, у которых не всё в порядке с логикой, и не платит векселями, не обеспеченными чем-то зримым. С этим тут как раз всё в порядке – но можно спросить: разве мы уже исчерпали тайны зримого? Позитивизм и натурализм предоставили как-никак лишь грубые выкройки, смогли отразить только поверхност-

¹⁴ Образный стиль (франц.).

ный рельеф. Здесь еще доделывать и доделывать. В зримом содержатся все указания на незримый план. И то, что один из таких планов существует, должно быть доказано на моделях. Сюда относятся попытки сплавить язык иероглифов с языком разума. В этом смысле поэтическое произведение воздвигает нечто вроде покрытых картинами колонн, а дух ставит их в качестве жертв перед еще незримыми храмами.

В такой ситуации взоры обращаются к христианству. Однако его нынешним представителям далеко даже до научных умов XIX столетия, которые хотя бы создали целостное представление о мире. Но ситуация не безнадежна, и новые столкновения говорят о том, что у господствующих сил появляются соперники нового типа.

Еще несколько слов о размежевании частной сферы и сферы авторской. Между ними всегда будет проходить граница, и граница не бесспорная. По той же причине рукописи сильнее, чем напечатанный текст. Точность кроется не в деталях. Не последнюю роль играет и вопрос вкуса. Так, к примеру, Джойс считал важным регистрировать в «Улиссе» все подробности использования отхожего места.

Ряд эпизодов, насколько я знаю из отзывов, уже дал повод для критики. В особенности это касается изображений ужасного; а потому возникало искушение подретушировать текст. Однако я смог удержаться от соблазна, поскольку хотел обрисовать читателю идею целого. Разговор сегодня возможен только между теми людьми, у которых есть эта идея целого; при этом они, разумеется, могут вполне занимать самые разные позиции.

Вести дневник – значит упорядочивать случайные факты и мысли: такие задачи и должен ставить перед собой автор. В этом состоит его единственное утешение. Когда государством управляет техник, переделывающий его в соответствии со своими идеями, конфискация грозит не только эстетическим и метафизическим экскурсам, но и чистой радости жизни. Уже давно канули в Лету те времена, когда собственность слыла воровством. Считается роскошью даже иметь

собственный характер, который Гераклит называет демоном человека. В борьбе за него, в желании его сберечь, и заключается одна из великих, трагических тем нашего времени.

Этой темы я тоже намерен коснуться после всех своих экспедиций в огненные и ледяные долины рабочего мира. Временной интервал, отделяющий автора от своего произведения, позволяет действовать в предельно удаленных друг от друга областях и пластах, которые зачастую отличаются между собой, как негатив и позитив. И всё же только вместе они дают реальность. Мир, рождение которого мы наблюдаем, не будет отражением однообразных мотивов и принципов – он, как любое творение, возникнет в споре. К числу великих размежеваний относится прежде всего определение границ свободы воли и предопределения. В нашей голове, в нашей груди располагается та арена, где под покровом времени сходятся в поединке судьба и свобода.

Сады и дороги

Кирххорст, 3 апреля 1939 года

Впервые работал в новом доме. «Королева змей» – быть может, мне придет в голову более удачное заглавие, а то нас, чего доброго, еще примут за офитов¹⁵. Порой мне кажется, что я не до конца проникаюсь эффектом перенесенной на бумагу фразы, когда мысленно ее перечитываю. Например, короткое предложение кажется мне незавершенным, хотя я всё же уверен, что именно емкая фраза часто производит неизгладимое впечатление. Предложение в том виде, как его записывает автор, отличается от предложения, каким его воспринимает читатель. Случись мне обратиться к запискам или письмам, которые вышли из-под моего пера давным-давно, проза представляется мне крепче, сочнее.

После полудня в саду. Земля легко поддается обработке: песок Люнебургской пустоши, подстилающий темные пласты перегноя. Поскольку я еще не отвык от вязкой почвы виноградника в Юберлингене, мне доставляло удовольствие ощущать, как земля соскальзывает с лопаты.

¹⁵ Офиты, то есть змеепоклонники, – одна из гностических сект.

Кирххорст, 4 апреля 1939 года

Поработал скверно, о чем можно было догадаться заранее по тому, как я спал, что мне снилось. Хотя и не каждый день возвращаешься с добычей, однако ж на охоту отправляешься ежедневно – вот так и я: первую половину дня провожу, вылепляя и отбраковывая предложения, уподобившись горшечнику, бьющему изготовленную посуду. Состояние это наступает довольно быстро, и тогда можно спокойно отправляться на прогулку. Но если я тем не менее остаюсь, значит, в этом усилии скрыт какой-то смысл. Мало что делают напрасно.

В полдень перекапывал грядки, посеял редис и купырь. Читал Торнтон Уайлдера, «Мост короля Людовика Святого»¹⁶. В одном месте автор приводит приметы настоящего искателя приключений, в том числе умение завязывать беседу с незнакомцами. Пожалуй, это и в самом деле отличительная черта первостепенной важности. Если мы взглянем на своих знакомых, то можем по пальцам пересчитать тех, знакомству с которыми мы не обязаны посредничеством третьего лица. Людей, с которыми мы вступали в отношения напрямую, мы чаще всего встречали при необычных обстоятельствах – в путешествии, во время праздника или несчастно-

¹⁶ Торнтон Уайлдер (1897–1975) – американский писатель, мастер исторического жанра. Роман «Мост короля Людовика Святого» написан им в 1927 году.

го случая. В эротической сфере тоже знакомятся напрямую, например при первом обращении или в момент приглашения на танец. Элемент приключения есть и в том, когда в темном помещении, к примеру в театре, мужчина дотрагивается до руки незнакомой женщины. Впрочем, случается это чаще, чем принято думать. Эдмонд довел эту тактику до совершенства и как-то даже прочитал мне о ней длинную лекцию. Вспоминаю, что с ним я тоже познакомился непосредственно; он заговорил со мною в метро. В любой круг мы почти всегда вступаем лишь будучи представленными, как то и положено общительным существам. Искатель приключений, обычно замкнутый, помогает себе собственным талантом. Авторство тоже можно рассматривать в качестве духовного приключения, ведь любой автор располагает некоторым числом знакомых, которых приобрел благодаря прямому устному обращению.

Кажется, что непосредственное знакомство считается высшим способом завязывания отношений. Любовные пары воспринимают случай, который свел их вместе, как исключительный. А в качестве завязки романа часто используется случайная встреча двух незнакомых ранее людей.

Кирххорст, 5 апреля 1939 года

«Королева змей». Мои сегодняшние наброски о маври-

танцах¹⁷ неудовлетворительны; в моем воображении этот орден присутствует отчетливее, чем в изложении. Показать, как в пору упадка, когда скапливается масса затхлой материи, рационализм становится самым твердым принципом. Затем: когда вокруг доктрины аморальной техничности образуется кружок, злой дух начинает притягивать автохтонные силы, чтобы вернуть себе прежнюю власть, тоска по которой всегда живет в глубине их сердец. Так в современной России просвечивает старая царская Россия. Таков и Старший лесничий¹⁸; в подобных фигурах нигилизм находит своего хозяина. Впрочем, в отношении Петра Степановича к Ставрогину ситуация кажется перевернутой: техник пытается заключить союз с автохтоном, ощущая у себя недостаток

¹⁷ Имя мавританцев обозначает у Юнгера «техников власти», для которых характерна «смесь человеконенавистничества, атеизма и превосходного технического ума». Таким образом автор пытается описать совершенно новый человеческий тип, свойственный XX веку (ср. примечание к записи от 23 мая 1940 года). Часто с «мавританцами» связывают указание на национал-социалистов, которые также выведены как «лемуры».

¹⁸ Фигура Старшего лесничего впервые встречается во второй редакции эссе «Сердце искателя приключений» и в новелле «На мраморных утесах». В отличие от мавританцев, Старший лесничий – фигура с ярко выраженными демоническими и в то же время анархическими чертами. Он обладает властью не технического свойства, а властью исконной, рожденной из господства над лесом. Его царство – первобытная стихия девственного леса, его слуги – бестиальные существа; он презирает мысль и искусство, порядок и возделанную землю. Неправильно отождествляют Старшего лесничего с Гитлером, который выведен у Юнгера под вымышленным именем Кньеболо. Если всё же искать реальные прототипы, то в Старшем лесничем заметны скорее черты Германа Геринга.

легитимной силы.

Описывая отношения такого рода, лучше всего, конечно, целиком положиться на продуктивную фантазию, но делу в любом случае не повредит, если детально проработать их конструкцию. Впрочем, следует избегать того, чтобы рассказ приобретал чисто аллегорический характер. Он должен, совершенно вне временной соотнесенности, уметь жить исходя из собственной сути, и даже хорошо, если останутся темные места, которые порой не под силу объяснить даже самому автору, именно они, как я со временем понял, нередко являются залогом позднейшего плодородия. Так характер Старшего лесничего, когда он привиделся мне в одну из ненастных ночей в Гарце, представлялся мне еще темным; а уже сегодня я вижу, что черты, отмеченные в нем тогда, не лишены смысла даже в более широком контексте.

После полудня на болоте. Совсем близко, у неширокого оврага, поднялась парочка уток и описала вокруг меня круг. Селезень в свадебном наряде, с видом эдакого бравого молодца: чего стоит один завиток на гузке и шелковистая, отливающая металлической зеленью шея! Чрезвычайно красивы переходы этого цвета в роскошную и очень нежную черноту; такова наивысшая степень зеленого. Я представил его себе чернильным порошком, который в растворе дает большое количество великолепной зеленой тинктуры.

Затем в саду. Сажал горох, салат, мангольд, лук и морковь. Как же славно поблескивали горошины своими мато-

выми, серо-зелеными строчками из темных бороздок. При мысли, что мне придется тут же засыпать их землей, работа на грядках вдруг представилась мне каким-то необычным и едва ли не колдовским занятием.

Когда копаешься в почве, земля сообщает рукам свои свойства; она делает их суше, изнуреннее и, как я полагаю, духовнее. Рука претерпевает в почве очищение. Перебирать пальцами в рассыпчатом, податливом грунте, согретом солнцем и брожением, – это несказанно приятное чувство.

Среди полученной почты письмо от Элизабет Брок из Цюриха. Она пишет, что на заданную тему «Description exacte d'un objet»¹⁹ получила от одной из своих учениц описание вареного омара, от которого я-де пришел бы в восторг. Должен, конечно, признать, что уже сама идея кажется мне замечательной; речь идет о вещи роскошной и торжественной.

Кирххорст, 7 апреля 1939 года

За работой мне бросилось в глаза, что я, быть может, слишком скрупулезно опускаю на письме безударное «е». Для предложения, безусловно, не всё равно, звучит ли в нем «erfreuen» или «erfreun»²⁰. Между тем я по себе вижу, что читатель сам по мере надобности либо читает безударное «е» окончания, либо его опускает. Во всякой хорошей прозе чи-

¹⁹ «Точное описание предмета» (франц.).

²⁰ Полная и краткая форма немецкого глагола, означающего «радовать».

татель сотворчествуется от своего лица. Осмотрительность же, на мой взгляд, следует в особенности проявлять там, где пропуск этого гласного звука придает слову непривычное звучание или нарушает стихотворную форму. То же самое относится и к перестановке слов в пределах одного предложения по причине распределения нагрузки – здесь стихотворению тоже подобает предоставлять больше свободы, нежели прозе. То, что в прозе создает ритм, само не должно оставлять следов; и усилие тем более благотворно, чем менее оно ощутимо. Это соответствует общему закону, согласно которому рука мастера, проходясь еще раз по готовому произведению, сглаживает все шероховатости.

Кроме того, думаю, мне следует в дальнейшем избегать слишком частого употребления указательного местоимения «тот». «Его глаза сверкали тем блеском, который придает употребление белладонны». Своеобразное воздействие этого местоимения заключается в том, что оно попусту тратит время понятливого и искушенного читателя. Сильно воздействовать оно может лишь при констатации чего-то необычного либо при упоминании редкого факта. Здесь, однако, как в случае лести, должно срабатывать правило экономности.

В первой половине дня в небольшой церквушке: погост притулился прямо к моему саду. Церковь очень красива. Проповедь на Страстную пятницу о распятом Христе и двух разбойниках. Сакральный тон проповеди, словно тонкая, отслоившаяся фольга. У протестантов это еще слышнее, чем на

юге, где «верой единой» дело не ограничивается. В Норвегии меня когда-то поразили богослужения, в ходе которых тебя как на воображаемых канатах словно подтягивали вверх.

После полудня – визит к новому соседу; кофе с печеньем, прогулка по двору и дому. Затем вместе с Перпетуей²¹ и Луизой приводил в порядок библиотеку; переезд, к сожалению, плохо сказался на книгах. Череду долгих столетий без потерь преодолевают лишь добротные старинные переплеты из пергамента.

Кирххорст, 8 апреля 1939 года

Продолжил возиться с библиотекой. Даже расставил справочники на верхних полках. Копал землю в саду, в том месте, где земля падает яркими, красно-бурыми комьями и, как медь, сверкает на срезе.

Аттагенус – я привык видеть в нем первого посланца весны – несколько запоздал в этом году и, появившись, провел ревизию в моих бумагах. Крошечное создание, величиной с рисовое зернышко, он имел изящные, с утолщениями на

²¹ Перпетуя (Perpetua). Под этим именем, что по латыни значит «Постоянная», автор выводит в дневниках свою первую жену Грету Юнгер, урожденную фон Йенсен (1906–1960), мать их двоих сыновей, Эрнста (Эрнстеля) и Александра. Их бракосочетание состоялось 3 августа 1925 года в Ганновере. В письмах и воспоминаниях она называет своего мужа «Повелитель». В книге «Силуэты», опубликованной в 1955 году, Грета Юнгер выступает как талантливый эссеист. Опубликована ее переписка с Карлом Шмиттом.

концах, усики и пару белых, как мел, пятнышек на щитке спины. Его темная юбочка бывает окроплена белыми брызгами. Личинки хорошо развиваются в оконных щелях и стыках половиц, а комнатное тепло способствует их созреванию словно в оранжерее. Всегда приятно видеть старого знакомого, когда жучок вдруг начинает кружить вокруг лампы и затем ползет по листу рукописи, как по какой-то пашне. Я наблюдаю за ним, и комната кажется мне обжитее и просторнее.

Кирххорст, 9 апреля 1939 года

Среди просторов полей то там, то тут высятся темные перелески. Березы на обочине проселочных дорог еще не обзавелись листвой. Вдоль придорожных канав на деревьях цветущие сережки, обсыпанные роями пчел и желтых мушек. Большие сгустки лягушачьей икры, в обрамлении гидрастисов похожие на саговый пудинг; ее черные ядрышки уже изрядно развились. По всей округе стеклянным звоном разносится глубокое кваканье жерлянок. У весны есть своя земноводная сторона, прохладное, нежное очарование, с любовными играми на подтаявшем льду.

В лягушках – когда в воде они кажутся как бы стоящими на вытянутых задних лапках – меня всегда трогает их сходство с человеком; впрочем, у более высокоорганизованных ветвей позвоночных животных оно снова сходит на нет. Это

что-то вроде первого рывка природы вперед к человеческому существу, который впоследствии возобновляется всё напористей и напористей. Этим, пожалуй, объясняется, почему мы считаем лягушку такой же забавной, как и обезьяна. Даже во время спаривания самец совершенно по-человечески хватается самку руками.

Соответственно, человек тоже обнаруживает в себе черты земноводных. Это особенно чувствуется, когда он, откинув назад голову, дает возможность любоваться частью своего подбородка и горла. В некоторых местах хорошо видно, как спешила природа, кроя для нас животные платья.

Припоминаю, что ребенком при виде лягушек испытывал неопиcуемый восторг. Однажды в полдень, возвращаясь из начальной школы, я увидел за витринным стеклом аквариумного магазинчика крупных, пестреющих зелеными и черными крапинками прудовых лягушек. То обстоятельство, что столь великолепные создания выставлены на продажу, меня изумило, и я вошел в магазин, несколько смущенный, но в то же время горя страстным желанием приобрести один из таких завидных экземпляров. К сожалению, в тот момент появился мой дедушка и увел меня оттуда. Тогда-то, должно быть, я понял, что должен чувствовать человек, владеющий рабом, — я имею в виду очень древнее, доримское, даже доалександрийское наслаждение. «Этот человек принадлежит мне, он — моя собственность, мое непреложное и неоспоримое достояние; мне так нравится с ним

забавляться». Надо полагать, здесь кроется одно из самых глубоких отношений между людьми, какие только возможны. А если посмотреть с другой стороны? «Я – твой раб» – разве нельзя себе представить, как эту фразу произносят таким тоном, который не удалось описать ни одному из наших историков? Подобный тон относится к детству человеческого рода, он жив в нашей сумрачно-прекрасной волшебной стране, какую Геродоту довелось увидеть собственными глазами. Это-то и придает его книгам особое значение.

Перечитывая запись, замечая, что выше, в третьем предложении, мне не нравятся «цветущие сережки». Не нравятся справедливо, ибо скрывают в себе плеоназм, который, впрочем, следует оставить в качестве предостережения. Однако похвально то, как он был выявлен – благодаря эстетическому недовольству а priori; а затем уже подтягивается и логическое обоснование.

Кирххорст, 10 апреля 1939 года

«Королева змей». Мои описания мраморных утесов – осмотрительность, дабы не вышло пышного полотна в стиле какого-нибудь «Титана»²², рисующего Изола-Белла. Ав-

²² Имеется в виду роман Жан Поля (1763–1825; настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер). В бытописательных повестях и романах («Геспер», 1795; «Зибенкез», 1796–1797) Жан Поль сочетал просветительские идеи с сентиментализмом. Способствовал формированию эстетики романтизма.

тор пытается дать представление о прекрасном, опаявая читателя словесами. А между тем высшее же воздействие прекрасного заключается не в исступлении; напротив, мы покоряемся обаянию волшебства. Оно вызывает в нас чувство удовольствия, более глубокого, чем чувство опьянения, которое в конечном счете выбивает у нас почву из-под ног и препятствует проникновению в нас образов. А вот обаяние волшебства, которое не смежает, а распахивает нам глаза, и дает нам наиболее глубокие впечатления, какие только возможно получить сознанию. Пред ликом красоты наблюдение должно усиливаться; есть состояние, когда время начинает замедлять свой бег, а краски, словно в безвоздушном пространстве, светятся всё ярче и ярче. Описание прекрасного предполагает меру, отстранение и острый взгляд; словоблудием здесь ничего не добьешься. А потому такие слова, как «неописуемый», не подходят для живого изображения. Увлечение превосходными степенями равным образом является признаком импотенции. Естественно, бывает и так, что словесная форма не способна вместить в себя всё богатство, выдержать жар и лопается, как мыльный пузырь. Когда речь идет о сферах, лежащих вне слова, тогда меняются и средства. Чистые мелодии способны проникать глубже, чем язык, обнаруживая еще большую невесомость.

Я нахожу, что в знаменитой картине «Чары любви»²³ суть

²³ Автор мог видеть картину анонимного нижнерейнского мастера XV века под названием «Der Liebeszauber» в Музее изобразительных искусств Лейпцига.

колдовских чар передана весьма удачно – особенно потому, что, кроме всего прочего, передает тот испуг, какой охватывает нас перед самым разоблачением.

Прототипы мраморных утесов: скалистый склон у маяка Монделло, по которому я взбирался с Магистром²⁴. Затем проход с Корфу до Канони, долина Родио на Родосе, вид от монастыря Суттомонте в сторону Коркулы, проселочная дорога от Глетчермюле к Зипплингену на Боденском озере. Соколиные и совиные гнезда на отвесных стенах Коринфского залива. Акрополь; скалы, вздымающиеся в Рио, так что на ум невольно приходят орхидеи и змеи. Автор обязан много путешествовать, чтобы увидеть на собственном опыте, что может приносить Земля. Однако потом образы должны смешиваться и становиться текучими подобно меду, собранному с многих цветов. Только из *элементов* воспоминаний дух черпает для себя пищу.

Во второй половине дня ярко светило солнце – на болоте, среди водяных мхов, я охотился на мелкие виды гидрофилусов. Пока я их рассматривал, сидя на корточках, из ситника на темное зеркало торфяного среза выскользнул крупный

²⁴ Имеется в виду Хуго Фишер (1897–1975), философ, автор исследований о Гегеле, Марксе, Ницше. В 1933 году написал свой главный труд «Ленин, Макиавелли Востока». В годы нацизма эмигрировал в Англию, после войны жил в Мюнхене. В книге «Кто будет господином Земли» (1962) критически рассматривал проблемы технической цивилизации. Юнгер познакомился с ним в Лейпциге. В 1929 году Фишер и Юнгер вместе посетили Сицилию (ср. «Из золотой раковины»), в 1933 году – Норвегию (ср. «Мюрдун»). В образе Магистра изображен в новелле Юнгера «Посещение Годенхольма».

паук-серебрянка – густо-коричневый, бархатистый, с белой фетровой оторочкой на тельце. В эти весенние дни всё залито резким светом, повсюду пестрят березовые побеги и стебли вереска, так что порой возникает впечатление свежести-стиранности. Эта необычная картина, видимо, объясняется контрастом всё еще зимней растительности с почти уже летним освещением.

Кирххорст, 11 апреля 1939 года

Посеял лук, шпинат и майскую редьку. Увидел, что горошины проросли – к своему облегчению, потому что меня преследовала почти навязчивая идея, что ничего не взойдет. Должен сказать в свое оправдание, что все наши усилия по ускорению роста не идут ни в какое сравнение с настоящим приростом, который за одну ночь получается сам по себе и без нашего участия. Нам не хватает прежде всего *одной* добродетели, которую можно было бы назвать «искусством-давать-себя-одаривать». В этом следует оставаться ребенком, и тогда счастье придет само собой. Мною давно подмечено: деньги – я имею в виду не абстрактные, а конкретные деньги, к примеру наследства, подарки и выигрыши, – переходят к совершенно определенному получателю. И случается это не столь уж редко, как кажется, ибо любой даритель оказывает предпочтение тому, кто умеет принимать подарки. Поэтому-то мы всё раздаем детям.

Подобное отношение оправдывается при разделе наследства и образует скрытое основание возникающих вследствие этого пререканий и ссор. Родители непременно хотели бы видеть всех своих детей дельными людьми, но их любовь обращена всё-таки к тем из них, которые остаются детьми дольше других. Поэтому они склонны одаривать щедрее всего самого младшего, сея тем самым семена раздора между братьями. Таким образом дельный и бывает уязвлен, как некогда Каин.

Кирххорст, 12 апреля 1939 года

Сон. Я как будто услышал чей-то летописный рассказ или увидел распахнувшийся передо мной титульный лист старинной хроники: «Питие по-шведски». Из собравшейся по случаю означенного события толпы жена выволакивает на плечах не выдержавшего испытания мужа. На беду, у того завязывается пустячное препирательство с одним из собутыльников, попойка продолжается, но на сей раз всё заканчивается гибелью. Холодная механика насилия, куда человек попадает, словно в мясорубку, пытается вырваться из нее, снова затягивается и гибнет. Сцена разыгрывается на рыночной площади; все здания, одежды и лица соответствуют стилю времени, и лишь питье подается из современного пожарного крана с бронзовыми насадками, какие можно видеть на наших улицах.

Замечательным было и пробуждение. Из глубины сна я поднимался наверх, словно сквозь какой-то водоворот, и долго до того, как вынырнуть на поверхность, услышал за окном рев автомобиля. Находясь в глубине сна, я всё же сумел распознать этот звук – подобно тому, кто, живя в иных мирах, не теряет связь и со здешним миром. В тот миг, когда я достиг верха, моё сознание защелкнулось подобно пружине и причинная связь восстановилась.

Кирххорст, 13 апреля 1939 года

Поездка в Бургдорф, одно из старых гнезд Нижней Саксонии, будто высушенных долгим окуриванием. У садовника прикупил «разбитых сердечек»²⁵, которые мне очень нравятся. Они были обильно политы, и продавец объяснил это так: им-де нужно «выкупаться». Ремесленники почти всегда говорят лучше людей образованных, которые обращаются со словами как с разменной монетой. Так, от одного незнакомца я на днях получил стихотворение, в котором воспевались «звуки водолазного колокола в глубине» – наглядный пример образа, рожденного из пустоты понятия.

На дороге – молодая ведьма с рыжими волосами. Они бывают светлой и смуглой породы – поразительно, как глубоко и в той и в другой живет дух огня. Складывается впечатле-

²⁵ Плачущие сердца (*Dicentra spectabilis*).

ние, будто к кострам для сожжения еретиков их притягивало какое-то внутреннее влечение, вероятно, гороскопического характера. Методы порчи скота, впрочем, тоже осовременились: недавно я прочитал, как какую-то старуху осудили за то, что она подбрасывала в чужие хлева зараженную вирусом ящура солому.

Кирххорст, 14 апреля 1939 года

Первый раз в своей новой обители за микроскопом. Когда я разрубил в саду толстый, изрешеченный крупными дырами буковый сук, на колоде остался черный с зеленым металлическим отливом жучок, покрытый длинными волосками: *Xestobium plumbeum*. В своей коллекции я обнаружил лишь его разновидность с красно-бурыми надкрыльями, которая попалась мне в сети бороздок валежника среди трав под старыми буками. Ловля живущих в древесине тварей – особое искусство.

Кирххорст, 16 апреля 1939 года

«Королева змей». Я собираюсь присвоить этому капрично новый заголовок, а именно «На мраморных утесах»²⁶. Един-

²⁶ Рус. пер.: Юнгер Э. На мраморных утесах / пер. Е. Воропаева. М.: Ad Marginem, 2009.

ство красоты, величия и опасности, как мне представляется, проявится в нем еще ярче.

Оторвавшись от работы, я выглянул в окно. По дороге в восточном направлении торопливо двигалась колонна оружий. Всё происходило, как на войне перед началом крупного сражения. На этих неделях немцы вступили в Богемию, Моравию и Мемель, а итальянцы заняли Албанию. Все признаки указывают на скорое начало войны; потому я пытаюсь внутренне смириться с тем, что буду вынужден прекратить работу. И это, как назло, в тот самый момент, когда я ощущаю некое просветление, когда начинаю особенно высоко ценить время. Во всяком случае, перу придется бездействовать, исключение составит лишь дневник. Работа будет возложена на глаза, ибо в зрелищах недостатка не будет.

Кирххорст, 18 апреля 1939 года

Углублял дорожки в саду. Разрубленные лопатой черви, приплясывая, извиваются – мгновенная вспышка боли, как от прижигания ляписом. Понятно, почему червь – символ боли и почему с ним сравнивают беззащитного, страдающего человека. Во-первых, само положение – близость к земле – олицетворяет нечто низменное, в отличие от змеи с ее юркими движениями, блестящей чешуей и оружием в виде жала. Во-вторых, это голая, безволосая, совершенно незащищенная кожа, слепота и прежде всего кривизна, из-за чего всё

тело превращается в одно сплошное чувствилище.

При виде извивающегося червя всегда испытываешь сочувствие и отвращение, как и в случае свиньи, с которой его сближает сам характер боли. Допускаю, что таким образом происходит расплата за беззаботное существование – червь в тучной земле живется как у Христа за пазухой, свинья же унижается до положения ненасытной толстомясой утробы, а потому такой оборот в их судьбе можно если и не одобрить, то, во всяком случае, с ним согласиться. Но есть и такие животные, которые страдают весьма возвышенно.

У иных червей, живущих добычей, – например, у эррантий, и в особенности у сагиттов, – имеются чрезвычайно красивые виды, какими мне случалось любоваться на море. Здесь видишь, что образ жизни, а вовсе не кровное родство определяет благородство. Племя червей таит в себе много загадок, и необходим острый глаз, чтобы прочитать их иероглифическое письмо, – так, скажем, в них заложено многое из того, что связано с нашей сексуальной природой.

По поводу низменного характера боли добавлю следующее: может быть, грубые мучения тоже выпадают на долю совершенно определенного рода людей? Легко представить, что разные гнусные преступления, как правило, совершаются в отношении таких типов, которые имеют особое отношение к физическому и телесному уровню страданий? Совершенно аналогично тому, как женщины, откровенно возбуждающие сладострастие, обладают наружностью, которая про-

воцирует свирепого насильника на развратные посягательства. *Такой* характер страха и боли часто обнаруживается у особ, целиком одержимых стремлением к сладкому и роскошному удовольствию. Наибольшей опасности подвержены те, кого в народе называют кровососами, а публичные девки притягивают мясников. Голый страх всегда навлекает ужасную кару. Тот, кто убегает, словно приглашает к преследованию; а человек, замысливший что-то недоброе, сразу бросается на свою жертву, стоит ему заметить малейшие признаки страха. И потому очень важно при встрече с сомнительного вида личностями (например, если с тобой вдруг заговорили в лесу) соблюдать правила безопасности. Как люди, мы несем на себе некую печать суверенности, сломать какую-то непросто, если только мы сами ее не повредим. Звери тоже чувствуют ее силу. Следует только, подобно Марию, знать, что ты неприкосновенен.

Кирххорст, 21 апреля 1939 года

Лесок позади нашего дома называется «Филлекуле» и прежде, по всей видимости, служил участком, на котором зарывали в землю павший скот, ведь *fillen*, давно вышедший из употребления глагол, означает «свежевать» и «сдирать шкуру». Слово это можно было бы использовать там, где в «Мраморных утесах» изображается хижина живодера. Впрочем, и здесь над нечистым местом продолжает витать

легкий запах, хотя в нем уже давным-давно ничего не закупают. Такая площадка, устраиваемая, как правило, от глаз подальше, почти всегда является неизменным спутником человеческого поселения.

Завершил чтение писем Эразма, подарок астролога Линдемманна. Многие, особенно из написанных в молодости отрывков, пропитаны у него навязчивой цicerоновской эссенцией. Риторический пыл не согревает, а тщеславный восторг речи разрушает элемент общения, который неизменно должен составлять суть письма. Получателю всегда неприятно чувствовать, что автор упражняется на нем в фехтовальных приемах. Однако дальше попадают весьма красивые описания, наподобие живого изображения Томаса Мора, в чьей домашней обстановке он превозносит господствующую там атмосферу счастья. Всякий, кому довелось в ней пожить, ощущал на себе ее благотворное влияние. В переписке с Лютером обращает на себя внимание различие умов, живущих в рамках порядка, и умов экстраординарных. Эразм сам хорошо его сформулировал в одном из абзацев письма к Цезариусу²⁷. «Я дошел до последнего рубежа, словно до края моря; изменю ли я себе, коли не стану бросаться в пучину?» Разница двух умов заключается также в том, что один из них у последней черты проявляет осмотрительность, а другой без колебаний ее переступает. При взгляде на этих двух

²⁷ Иоганн Цезариус (1468–1550) – немецкий гуманист, известный тем, что издал сочинения Плиния Старшего со своими исправлениями.

фехтовальщиков понимаешь, что Ницше был не прав, сожалея о том, что церковь сама не смогла прийти к сублимации. Историческая система тоже, чтобы выстоять, время от времени обращается в огонь подобно космосу. Иной раз представляешь себе, как династия французских королей могла бы существовать до сегодняшнего дня. Тогда мы жили бы в эпоху утонченно-хрупкого рококо, а вместо техники имели бы окончательно сформировавшуюся *chinoiserie*²⁸. Однако мировой дух допускает филигранную работу лишь там, где немного мешкает, а рождением изящных вещей мы обязаны тем мгновениям, когда он проявлял забывчивость.

Благие же наставления, которые Эразм адресует Лютеру, таковы, что любой человек дела неизбежно должен ими пренебречь. Когда живешь, с головой погрузившись в бумаги, необходим лисий ум, чтобы выдержать в такой атмосфере. Это хорошо видно на рисунках Дюрера, но еще лучше – на медали Метсиса²⁹, где точно схвачено сочетание лисьего ума и могучего характера. Совершенно бесспорны черты высокой духовной силы. В этом свете Европа была меньше, и ее столицы располагались ближе друг к другу, нежели сегодня, когда перелетаешь из конца в конец за считанные часы.

²⁸ Китайщина (*франц.*).

²⁹ Речь идет о серебряной медали (1519) с портретом Эразма работы антверпенского художника Квентина Массейса (*нидерл.* Quinten Massijs, также известен как Metsys).

Кирххорст, 22 апреля 1939 года

В почте – письмо от господина Ренье из Парижа. «Donner tout Stendhal pour une seule poésie de Hölderlin. Donneriez-vous une bouteille de Chambertin pour un civet de lièvre? On a besoin de Stendhal comme on a besoin de Hölderlin. Dans l'ordre des nourritures il n'y a pas plus d'hiérarchie que dans une vue que le regard découvre d'une montagne»³⁰.

Этот отрывок из письма находится среди прочих замечаний о «Сердце искателя приключений»³¹, которое, как я вижу, он читал в первой редакции. Он касается сравнительной оценки Стендаля и Гёльдерлина и ясно показывает, что сама затея рискованная и чревата неверной трактовкой. Правда, пока в нас не умерла воля, мы склонны сталкивать знаменитостей между собой; в этом суждении, кроме того, чувству-

³⁰ «Отдать всего Стендаля за одно стихотворение Гёльдерлина. Вы отдали бы бутылку „Шамбертена“ за рагу из дичи? Мы нуждаемся в Стендале так же, как нуждаемся в Гёльдерлине. В порядке пищи не больше иерархии, чем в том зрелище, которое открывается взгляду на вершине горы» (*франц.*).

³¹ Имеется в виду эссе Э. Юнгера «Сердце искателя приключений». Первая редакция вышла в 1929 году с подзаголовком «Заметки днем и ночью» (рус. пер.: *Юнгер Э. Рискующее сердце* / пер. В. Микушевича. СПб.: Владимир Даль, 2010), вторая – в 1938 году, в сильно переработанном виде и с новым подзаголовком «Фигуры и каприччо». Рус. пер.: *Юнгер Э. Сердце искателя приключений* / пер. и послесл. А. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2004 (второе издание: *Сердце искателя приключений. Фигуры и каприччо. Сицилийское письмо лунному человеку* / пер. и послесл. А. Михайловского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021).

ется отголосок настроения, которое было следствием проигранной войны. Поэтому я и не включил этот пассаж во вторую редакцию, которая вышла из печати около года назад.

Но в ту пору он казался мне настоящим украшением книги, удачным фехтовальным уколом. Всегда находятся умы, которые укрепляют нас в наших слабостях, лишь бы только в споре мы были на их стороне; и встречаются они, к сожалению, намного чаще, нежели те, кому удастся высказать весомое суждение по существу дела.

Кирххорст, 25 апреля 1939 года

Получил по почте свой военный билет, отправленный командованием округа Целле. Так я узнаю, что государство внесло меня в реестр в чине лейтенанта для поручений. Политика в эти недели напоминает время непосредственно перед мировой войной. Чем-то новым является повышенная сентиментальность масс, что находится в кричащем противоречии с усилением технических средств. Допускаю, что и то и другое имеет под собой одно и то же основание и что многие пребывают во власти иллюзии. Страх во все времена внушало только одно существо – человек, для которого оружие – дополнительный орган и образ мыслей.

Еще пришла открытка от Фридриха Георга³², в конце

³² Фридрих Георг Юнгер (1898–1977) – младший брат Эрнста Юнгера, поэт, писатель, философ. В своей лирике ориентировался прежде всего на Античность

недели он собирается приехать из Лайснига³³.

Утром, когда впервые за много дней погода наконец прояснилась, размышлял в саду то о работе над «Мраморными утесами», то о новой напасти, землеройных крысах. С садом дело обстоит, как и вообще с жизнью, в которой на всякую выгоду отмеряется и свое лихо. Если почва прекрасно взрыхлена, то и высыхает она быстрее; тот, кто снимает в тропиках десятикратный урожай, получает новую мороку с его реализацией. Мы можем рассчитывать лишь на жалкий выигрыш и должны быть этим довольны.

Кирххорст, 26 апреля 1939 года

Копался в саду, чтобы не ударить в грязь лицом пред братом. Снова посеял горох с красивым названием «Английская сабля» и обезопасил его от воробьев, натянув поверх него старые гардины. Еще раз поохотился у болота на гидрофилий, поскольку намерен некоторые их разновидности закрепить на целлон³⁴ для изучения нижней поверхности. Участки, на которых пахотный слой почвы на пустоши сглажен и срезан лопатой. На толстом торфе, словно на черном гумне, – колокольчатый вереск и росянка, цветущие травы

и классический период поэзии, предпочитая форму оды. На русский язык переведены его философские эссе.

³³ Город в Саксонии, где с 1919 года жили их родители.

³⁴ Род пластмассы, используемой в энтомологии.

да молодая березовая поросль. По краям, с еще розовыми нераспустившимися цветами, высокое верескообразное травянистое растение – занесенная к нам, очевидно, из Канады кальмия. На оживленной поверхности – вышедшие на охоту жуки-скакуны, то переливающиеся шелковистой зеленью, то слегка матовые, мшистые. Один экземпляр, пойманный больше ради забавы, оказался разновидностью, носящей название *Connata*, – у нее пара светлых пятен соединяется посередине на щитке спины в виде бантика.

«Мраморные утесы». Пока в голову не пришло более подходящего имени для фигуры брата, который сначала выступал у меня под именем Профундус³⁵. Но трехсложное слово звучит в предложении слишком уж тяжело. А посему я до поры до времени использовал довольно бесцветное имя Феликс. Быть может, я решусь-таки на *Otto* либо *Otho*³⁶, что позволит чисто вокалически вписаться в любое выражение.

Кирххорст, 28 апреля 1939 года

Беспокойная ночь. Сначала мне привиделся Кньеболо³⁷, болезненный, меланхоличный и замкнутый. Он протянул

³⁵ От *лат.* *profundus* – глубокий, основательный и т. п.

³⁶ Под этим именем Фридрих Георг и будет фигурировать в указанной новелле.

³⁷ Под этим именем выведен персонаж, основным прототипом которого является Гитлер. *Kniebolo* – причудливое имя, фонетически напоминающее выражение «*knebelnder Diabolus*» – букв. «связывающий дьявол».

мне горсть конфет в чудесных золоченых обертках; их ему якобы подарили на именины целую уйму. Затем я увидел картину жизненного пути, который представлял собой как бы расположенный уступами сад. Там были лабиринты, зеркальные отражения и множество преград, позволявших продвигаться только в *одном* направлении; а еще врата, ведущие на волю.

Потом я наблюдал новое флуоресцентное свечение – из золота и лазури. Я встряхивал в плоской вазе кристаллы и шарики, которые озарялись то чистым золотом, то сияющей голубизной, и во время этого покачивания из сосуда доносились легкие раскаты грома.

В кругу прославленных мастеров я представился буквоедом.

В двенадцать часов дня – в комнате Перпетуи у радиоприемника. Перпетуя, Луиза и толстая Ханна сидели на стульях, тогда как я, почти как в Мавритании, возлежал на диване. Затем сажал картофель, причем в этих краях для прокладки борозд используют мотыгу с широкими лопастями и размашистые грабли. Инструмент этот называется Тог (произносится как Toch), что, вероятно, связано с *волочением* (Ziehen). Пересадил штокрозы. Перекинулся словечком со стекольщиком, при взгляде на которого я – впрочем, впервые в жизни – подумал: «Вот так и ты когда-нибудь будешь выглядеть», ибо приметы старости сочетались в его облике с симпатичными чертами какого-то детского простоду-

пия. Маленький Александр³⁸ каждого величает «дядей»: дети пребывают в уверенности, что все люди братья.

Мощную балку амбарных ворот здесь называют Dössel.

Кирххорст, 29 апреля 1939 года

Перед тем как заснуть, я долго размышлял о голубом цвете, увиденном вчера на пиале. Мне хотелось подобрать ему название, но лишь столкнувшись с невозможностью отыскать хотя бы приблизительное сравнение, я осознал характер того, что тогда лицезрел. Я оказался по ту сторону цветового мира.

Мне снилось, что я прислушивался к разговору крестьян о ландшафте. Один из них произнес: «В лето болото-то ужась как ухаёт» – то есть *ужасно*, под чем, как мне тотчас же стало ясно, он подразумевал, что острым лемехом плуга слой почвы взрезается до самого основания.

В четыре часа я проснулся и до половины шестого слушал удары церковных часов. Когда мы вот так мним себя бодрствующими, то чаще это всё-таки бывает дрема, в которую мы погружены, – так мы состригаем сон.

Из Парижа, от Herkules, пришел последний номер «Crapouillot», «Les Bas-Fonds de Paris»³⁹ с картинками и описаниями лупанариев, а также с кратким словарем аргю. В нем

³⁸ Имеется в виду младший сын автора, родившийся в 1934 году.

³⁹ «Подонки Парижа» (*франц.*).

я обнаружил слово «chialer» (эквивалент «плакать»), что, собственно говоря, должно означать: «chier des yeux»⁴⁰. Я выписал себе это словечко в качестве примера того, до какой степени язык может заполняться нечистотами. Слово зачастую насчитывает столько синонимов, сколько оттенков имеется в самом обществе.

Вечером встретил на автобусной остановке Фридриха Георга.

Кирххорст, 30 апреля 1939 года

Кафедральные соборы как окаменелости, которые вкраплены в наши города, словно в поздние осадочные отложения. И всё же мы очень далеки от того, чтобы от их размеров перейти к выводу о той жизненной мощи, которая была в них заложена и которая их создавала. Породившая и наполнявшая их когда-то пестрая жизнь чужда нам сегодня больше, чем аммониты мелового периода; и гораздо проще восстановить облик древнего ящера по костям, найденным в сланцевом руднике. Можно даже сказать, что нынешним людям эти творения говорят столько же, сколько глухому – формы скрипок или тромбонов.

После полудня в душную погоду с братом на болоте. Разговор о различии нигилизма и анархии. Фридрих Георг

⁴⁰ Ассоциативно это можно перевести с французского как «мочиться глазами».

усматривает различие, кроме всего прочего, в том, что нигилизм может принимать формы порядка. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что внешние принципы организации возрастают в той мере, в какой утрачивается внутренняя гармония. Так, число врачей увеличивается в той пропорции, в какой пропадает целебная сила.

Потом со стороны болота пришла гроза с градом.

Кирххорст, 1 мая 1939 года

Град нанес серьезный урон растениям; так, с нашего миндального деревца он посбивал весь цвет. Теперь он лежит на земле возле ствола, словно розовая сорочка.

Первый месяц на новом месте. Особенно приятно отсутствие малейшего намека на комфорт, настолько он опротивел мне в маленьких новостроечных виллах. Дом выстроен в стиле нижнесаксонского хутора; к жилому помещению вплотную притулился большой амбар с хлевами, которые я со временем намерен заселить животными.

Кирххорст, 3 мая 1939 года

Поездка в Бургдорф, на пару с Фридрихом Георгом. Вдоль дороги – сияюще-желтые цветы одуванчика – львиного зуба. Название этого растения выбрано очень удачно; оно, так

же как лев, солярной природы. В деревнях – крепкие дубы, похожие на последние деревья Донара⁴¹. Часто будто пелена спадает с глаз; крестьянские дворы явственно встают передо мной в своем древнем языческом блеске. Я вглядываюсь в самую глубину, в нетронутое нутро древней родины, и верю, что так по смерти мы видим распахнутыми настезь двери отчего дома, и гумно залито торжественным светом.

В Бургдорфе на велосипеде Фридриха Георга сломалась седельная пружина, и мы завернули к молодому кузнецу. Небольшая мастерская, пропахшая железом, была загромождена бесполезными вещами, главным образом развинченными колесами, которые пылились и ржавели по углам. Другие висели на стенах, словно жертвенные дары в храме Вулкана. Когда совершенно безучастно созерцаешь такого рода места, человеческая работа зачастую приобретает странный смысл.

Кирххорст, 4 мая 1939 года

Поскольку мой кабинет располагается в самой глубине дома, то с помощью Перпетуи и Луизы я оборудовал себе на чердаке отшельническую келью. У меня издавна было приращение к пыльным чердакам; они напоминают царство забвения.

⁴¹ Громовник, бог грома в германской мифологии.

Мне кажется, что в необитаемых помещениях накапливается некая материя, некий духовный гумус, из которого сила воображения извлекает богатую пищу. Когда в Юберлингене мне случилось спать в погребе, ко мне в изобилии стекались сны. И совсем уж нестерпимым оказался натиск видений, когда во время войны, в Души, я занимал пустующий блиндаж, расположенный среди садов. Я покинул его после первой же ночи. Сюда же можно отнести, пожалуй, и истории о гостях, которые ночуют в запыленных каморках старых замков и видят там призраков. В помещениях, где мы долго живем, эта неведомая сила истощается; наши комнаты чем-то похожи на культивированную почву. Становится ясно, почему первой ночи и снам в новом доме придают в народе мантическое значение.

Кирххорст, 6 мая 1939 года

«О боли»⁴². Если я буду вносить изменения в эту работы, можно было бы дополнить ее разделом о горечи. Горечи старения, в особенности у женщин, горечи разочарований, о совершенных несправедливостях и непоправимых промахах, наконец, о горечи смерти, которой не избежать никому. Горечь возникает лишь во второй половине жизни, когда вме-

⁴² Это эссе было написано в 1934 году и вошло в книгу «Листья и камни» (1934). Русский перевод см. в сборнике: *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт* / пер. А. Михайловского. СПб.: Наука, 2000.

сте с морщинами на лице с роковой неотвратимостью проступают и линии судьбы. Еще она свидетельствует о чем-то вроде потерянной невинности.

Кирххорст, 9 мая 1939 года

Погода всё еще прохладная и влажная. Сажал капусту и сельдерей.

Влажность как стихия жизни. Напор соков в предвкушении наслаждения: слюнки, которые текут у нас изо рта при виде лакомого куска, кипение крови и секреты желез во время любовной игры. Мы буквально налиты соком. Пот и слезы означают, что жизнедеятельность в самых глубоких недрах здоровья еще не угасла. Скверно дела обстоят у того, кто уже больше не может ни потеть, ни плакать. Затем – гумидное⁴³ в духовном, к примеру, сочное, болотистое, лесная свежесть в стихотворении. Прежде всего – набухающее половодье слов и картин, где плавают твердые корпускулы.

Влажность у Рубенса, особенно в тех местах, где плоть прорисовывается розовым цветом. Там бесподобно всё, что изображает радость жизни. У романских народов стихия влажного более скрыта, часто словно бы заключена в раковину. С тем же связан и голод по северной крови или, скорее, жажда ее.

⁴³ *Лат.* humidus – влажный, сырой; богатый осадками, с обилием отложений.

Иного рода свойства сухого. Сладость, аромат. Обращение Ницше к сухому, к пустыне, к златовяленным финикам, от Вагнера к Бизе. Интенсивная жизнь, возникающая благодаря настою. Оазисы. Цистерны. Гаремы. Интарсия⁴⁴.

Кирххорст, 10 мая 1939 года

Столовую свеклу, редис, кустовую фасоль высеял на грядки, а кормовую капусту и брюкву – на опытном участке. Из капусты, помимо обыкновенной, посадил темно-красный сорт, почти с черным отливом – из пристрастия к оптике. Еще у меня будет виться по жердям турецкая фасоль, с красными цветами. Куры тоже должны быть одной, ласкающей глаз породы. Только так можно рассчитывать и на экономический успех. Нужно несколько раз в день ощущать радость, обращаясь к растениям и животным, чтобы налюбоваться их видом, а вечером, перед тем как заснуть, нужно увидеть их мысленно.

Стоит только мужчине добиться *одной* женщины, как он тотчас же становится смелее и в отношении остальных; успех одновременно распространяется на весь пол.

⁴⁴ Вид инкрустации на дереве; фигурное или узорчатое изображение из деревянных пластинок, разнообразных по текстуре и цвету.

Кирххорст, 14 мая 1939 года

Сегодня, во второй половине воскресного дня, меня посетил один читатель двадцати трех лет от роду, который служит ефрейтором в Брауншвейге. Мы вместе выпили кофе под сенью буков, а затем отправились на болото. Меня поражает, что всякий, с кем я знакомлюсь таким образом, испытывает страдания, а помочь ему ничем не сможешь. Время имеет сходство с опасной тесниной; людям приходится протискиваться сквозь нее. У меня, прежде всего чисто физиогномически, складывается впечатление, что они почти полностью живут в сознании и чересчур много заняты мыслями о положении, в котором находятся. У них проявляются симптомы страха перед экзаменом; к тому же они из породы постоянно бодрствующих людей, и странно, что воля к счастью и к неторным путям так слабо развита в них. Здесь тебя никогда не покидает чувство, будто ты разговариваешь с бегунами на длинную дистанцию или, что еще безотраднее, с бегуньями на то же безмерное расстояние. Где же мировой дух держит сегодня в резерве своих сновидцев и спящих?

Кирххорст, 15 мая 1939 года

Темная лилия, что, подобно маленькой пальме, всходит на

краю клумбы с хризантемами. Словно танцовщица – одежды в рискованном повороте, она энергично отбрасывает от себя мутовки своих узких листочков. Я гляжу на это растение и наслаждаюсь блаженством, которое оно источает своим медленным ростом и близостью к земле. В нем, будто в статуе, сосредоточена чудесная сила. Ему чужда спешка; оно знает, что достигнет созревания в срок.

Кирххорст, 17 мая 1939 года

С тех пор как я поселился в мансарде, мне редко случилось увидеть Фридриха Георга раньше полудня. Сегодня после обеда мы говорили о «style image», порицаемом Мармонтелем⁴⁵. Из сказанного по этому поводу Фридрихом Георгом мне больше всего понравилась мысль, что в языке можно различать не только образное письмо и язык понятий – в качестве третьего можно назвать вдохновенный стиль.

Потом о Брейгеле и «Блудном сыне» Босха. Эту картину мы несколько лет тому назад обстоятельно рассмотрели во время аукционных торгов, и уже тогда она произвела на нас обоих неизгладимое впечатление. Седовласый сын, у которого давным-давно ничего не осталось, кроме нищеты, дыр на

⁴⁵ Жан-Франсуа Мармонтель (1723–1799) – французский писатель. Прославился своими трагедиями, комическими операми и философским романом «Белизар» (1766). С 1763 года член, а с 1783-го – секретарь Французской академии; с 1771-го – историограф Франции.

одежде да бесприютности. Видно, что домой ему уже никогда не добраться, и в этом художник превосходит суровость библейского текста. Притон на заднем плане – мир, представляющий в виде балагана фиглярства и надувательства, у стены притона мочится пьяница, а шлюха в окне выставила напоказ свои груди. Давно забыт тот, кто оставил здесь свое наследство, честь и здоровье. Недуг поразил самую сердцевину. Ужасающее воздействие полотна объясняется тем, что вся неудавшаяся жизнь здесь как бы сжата до одного мгновения. По силе такого схватывания с живописью не сравнится ни одно другое искусство.

После захода солнца сажал помидоры. Растения принимаются сразу, не чахнут, если рассаду опускать в жижу из воды, тучного торфа и земли. Этот рецепт порекомендовал мне маклер Бельц из Юберлингена. В нашей школе жизни много учителей, и некоторым из них мы обязаны одним-единственным навыком.

Кирххорст, 19 мая 1939 года

Свояк заехал за нами на машине, и мы провели весь день в Липпском лесу и у озера Штайнхудер-Меер. В Ребурге⁴⁶ мы долго бродили вокруг отчего дома и смотрели на окно мансардной команты, в которой Фридрих Георг и я ютились

⁴⁶ В Ребурге семья Юнгер жила с 1907 года.

так много лет, пока не разразилась война. Видели мы и окно эркера в зале, где мы, когда родители были в отъезде, вчетвером справляли наши первые галантные праздники. Как много воды с той поры утекло!

Проходя мимо деревьев, отчетливо сохранившихся в памяти после стольких лет, я пораился, насколько мало выросли липы и шаровые акации. Стволы плодовых деревьев и буков стали гораздо толще, но всех превзошла плакучая ива. В 1912 году мы посадили у водоема маленький прутик, который теперь разросся до исполинских размеров. Такие различия, конечно, во многом зависят от добротности почвы. Однако яснее всего разница между прошлым и настоящим проявилась в сократившихся расстояниях, которые сохранились в моей памяти как отмеренные пешком отрезки пути. Теперь мы пролетали между этими пунктами за считанные минуты. Но в какие-то мгновения я целиком погружался в старое время, со всех сторон окруженное лабиринтами нового.

В полдень в Бад-Ребурге, в гостинице Тегтмайера, который учился с Фридрихом Георгом в одном классе. За бокалом вина мы предались воспоминаниям. Было приятно видеть, с какой уверенностью тот посреди разговора иногда поднимался со своего места, чтобы поухаживать за другими гостями, и как затем снова усаживался за наш столик с улыбкой, как бы указывающей на то, что от роли хозяина он опять возвращается к роли старого друга. Мы отметили в нем одну черту, какая весьма подходила б ему, будь он пастором,

однако не портила его и как трактирщика. Впрочем, *всякое* сословие покоится на сакральном фундаменте.

Потом мы пили кофе в миниатюрном замке, в укромной комнатке для пирушек, расположенной в башне, откуда открывался вид на первозданный ландшафт, прорезанный водами, болотами и топиями, – дикая местность, по которой проходил Германик. Глубокая меланхолия лежит в ней, и горечь.

Потом – в Штаттхагене, где в серной воде кратерного источника мы увидели букеты цветов, которые, не изменив ни формы, ни красок, стоят там уже долгие годы – зрелище, на мой взгляд, удивительное и вместе с тем отталкивающее. Так мог бы сохранять головы поверженных врагов какой-нибудь деспот, чтобы, прохаживаясь по саду, с неустанным постоянством любоваться их видом. В Кирххорст возвращались по автобану. По такой дороге я ехал впервые, меня поразили высокий уровень техники – *machina machinarum*.

В почте – альбом с иллюстрациями Тулуз-Лотрека, к которому приложена открытка от Рене Жане. Чтобы в полной мере насладиться этими красками, нужно понимать прелесть увядающих цветов. Здесь есть что-то сатанинское, что особенно отчетливо видно на картине с названием «*Au salon*»⁴⁷, где в гранатово-красных тонах изображен ад похоти. В других работах тот же эффект, но с позитивным оттенком. На-

⁴⁷ В салоне (франц.).

пример, на картине «Mailcoach»⁴⁸ мимо нас раскаленным снарядом проносится карета, а земля взрывается под копытами чистокровных рысаков. Такие вещи, несомненно, еще долго будут доставлять удовольствие; и всё же, созерцая их, замечаешь, как глубоко еще сидит в нас образ XIX столетия.

Кирххорст, 26 мая 1939 года

Скверное настроение, в общем-то беспочвенное, когда вокруг всё цветет. Развесистые кусты золотого дождя, своим роскошным сиянием украшающие сад, служат доказательством тому, что в изобилии нет недостатка. К тому же я каждое утро работаю над «Мраморными утесами». Завершил изображение патера Филлобиуса. Надеюсь, мне удалось избежать католических клише.

Во второй половине дня – в Бургдорфе, где я всегда охотно бываю. В городе есть какое-то сухое и твердое ядро, которое смогло выстоять во всех перипетиях истории.

Правда, в нем не чувствуется и никакого подъема, высокого полета. Когда я смотрю на эти старые дома, у меня появляется надежда, что человеческий род так скоро не истребится. Ко мне приходит запоздавшее, но неотвратимое понимание того, что в жизни именуется постоянством.

На кладбище, утопающем в цветах. Всегда отрадно видеть

⁴⁸ Mail-coach – почтовый (дорожный) экипаж, запряженный четверкой лошадей (англ.).

играющих там детей, пока их матери хлопочут у могил. На одном из холмиков – кустик плачущих сердец. Он весь усыпан цветами, а потому хорошо подходит для кладбищ. Алые цветы в форме капель, как медальоны, покачиваются в ласковом дыхании ветра. Я задумался о собственном надгробном камне, где должны быть лишь имя да две даты. Думать об этом было приятно.

На обратном пути я сделал привал на небольшой вырубке неподалеку от Байнхорна и на самом солнцепеке присел на дубовый пенёк среди полураскрывшихся папоротников, побеги которых еще покрывал коричневый бархат. Настроение немного улучшилось, и, как часто бывает со мной в такие моменты, во мне проснулся тонкий охотник. Еще дорогой мне без труда попался долгоносик *Magdalis*, который своим названием обязан шипам, расположенным у него на шейном щитке. Вслед за тем я обнаружил под дубовой корой крошечного *Laemophloeus duplicatus*, которого позднее определил под микроскопом не только благодаря двум поясам, украшающим его головку и шейный щиток. Я даже ясно разглядел тоненькую центральную линию, которую можно увидеть не всегда. Потом из заплесневелой древесины дуба я извлек одного *Scolytus intricatus* – да к тому же самца, на что указывала пара тонких волосяных кисточек, торчащих на его лобной части. Напоследок следовало бы еще упомянуть пятнистого *Litargus*, с которым я впервые свел знакомство минувшим летом в Клостерфорсте между Юберлингеном и Бир-

нау. Как часто бывает в подобных случаях, он больше не кажется мне редкостью – потому что узнаешь не только животных, но прежде всего способ видеть их в великом ребусе природы.

Кирххорст, 27 мая 1939 года

Постепенное улучшение. В «Мраморных утесах» я, пока временно, заменил «гадюк-медянок» на «пиковых гадюк», что в зоологическом отношении более двусмысленно. Еще я допускаю, что на мраморных утесах могут обитать коршуны. Наконец, следует осведомиться о породах крупных собак, чтобы достаточно точно изобразить борьбу во время травли. Встреча собак со змеями видится мне как столкновение крови с одной из ее квинтэссенций – ядом.

После полудня с Фридрихом Георгом в Моормюле, где мы за чашкой кофе брали у шофера уроки вождения, после этого – в Хеессель и по узким проселкам – в леса вокруг Колсхорна. У одного перекрестка мы залюбовались старым дорожным указателем из дубового дерева, похожим на одну из тех сатурнических фигур, какие любит изображать Кубин⁴⁹.

⁴⁹ Альфред Кубин (1877–1959), выдающийся австрийский рисовальщик. На раннем этапе творчества входил в мюнхенскую группу экспрессионистов. Выступал также на литературном поприще, сам иллюстрируя свои произведения. Его фантастический роман «Другая сторона» (1909) содержит пятьдесят два больших рисунка. В год смерти из печати вышла его автобиография «Демоны и ночные лики». Кубина связывала с Э. Юнгером сердечная дружба, десятилетиями

Здесь я впервые за этот год услышал звонкие переливы иволги в дубовых кронах.

Во время поездки Фридрих Георг, обычно немногословный в том, что касается его работы, объяснил мне структуру своего нового сочинения «Иллюзии техники»⁵⁰. Хромоту Виланда и Гефеста он назвал типичным дефектом. Затем говорили о природе огня, похищенного Прометеем у богов. На очередном изгибе беседы мы принялись обсуждать оргию Дмитрия Карамазова – блистательный и ужасный образец славянской улады. За этим символически маячит отцеубийство. Во время разговора из знойного ельника прямо у нас из-под ног вспорхнула горлица – светлое опахало хвоста, само изящество.

Вечером еще успел удобрить в саду капусту, сельдерей и помидоры. На этот случай годится моя присказка, что в пря-

сопровождавшаяся напряженной перепиской. Юнгер ценил в его рисунках их визионерское содержание, их изобразительный язык повествования о распаде и разложении. В 1934 году в сборнике «Листья и камни» он опубликовал эссе о «Другой стороне» (*Юнгер Э. Демоны пыли* / пер. А. Михайловского // *Кубин А. Другая сторона. Фантастический роман*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013. С. 7–13). А Кубин выполнил иллюстрации к книге Э. Юнгера «Мюрдун. Письма из Норвегии», вышедшей в 1943 году в Осло.

⁵⁰ Речь идет о большом философском эссе Ф. Г. Юнгера, которое впервые было напечатано под измененным названием «О совершенстве техники» в 1944 году, однако тираж сгорел во время бомбежки. Лишь в 1946 году у Витторио Клостерманна увидело свет первое издание «Совершенства техники». В одном письме брату Э. Юнгер писал, что «Совершенство техники» и «Рабочий» относятся друг к другу «как негатив и позитив». Рус. пер.: *Юнгер Ф. Г. Совершенство техники* / пер. И. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002.

ностях набиваешь уверенную руку не за один год.

Кирххорст, 29 мая 1939 года

На Троицу визит из Гослара: мэтр Линдеманн. Разговору о гороскопах, травах, садах, медицине. Проводив гостя на автобус, мы собрали цветы яснотки, растущие в саду в изобилии; он порекомендовал добавлять ее в чай. Урожай стоит рядом со мной: глубокая тарелка, доверху наполненная белыми лепестками нежно-зеленого оттенка с четырьмя едва различимыми черными крапинками.

Кирххорст, 1 июня 1939 года

Старый поваленный дуб возле Гроссхорста. Мы навещаем его душными вечерами и устраиваем там субтильную охоту⁵¹. Жуки-усачи, бархатно-черные с бархатисто-желтыми ленточками иероглифов. В пылу совокупления они блуждают по горячей коре, едва держась на ногах от похоти и солнечного восторга, затем, разъединившись, как бы в раздумье застывают еще на некоторое время в одной позе и с шумом улетают. Затем – красный *phymatodes*, пурпурноворсистый,

⁵¹ Так автор обозначает свои энтомологические занятия. Книга под названием «Subtile Jagden» вышла в 1967 году. Выбранные главы в рус. пер.: Юнгер Э. Тонкий охотник / пер. А. Михайловского // Лицейское & гимназическое образование. 1999. № 5. С. 88–93.

которого я до сих пор встречал лишь однажды, в 1915 году в Сен-Леже во Франции. Еще – бупрестиды и прекраснейший из них – *chrysobothris*. Бронзовый, с золотистыми впадинками, он расправляет крылья, а под ними оказывается вторая пара, похожая на сияюще-зеленое шелковое женское белье. Потом я сбился со счета.

Кирххорст, 4 июня 1939 года

В саду царит сильная засуха. Поэтому после захода солнца мы носили воду ведрами и лейками. После такой поливной кампании вечером можно спокойно вычеркивать два рабочих часа, когда я обычно привожу в порядок бумаги и пишу письма. И всё же время потрачено не впустую. По осени думаю вкопать торф вместе с листвою, чтобы почва лучше держала воду.

С утра – в церкви, где читает проповедь новый пастор из Изернхагена. Во второй половине дня – к Филлекуле. По дороге Фридрих Георг сделал мне второй доклад об «Иллюзиях техники». Вечером я прочитал три его стихотворения с гранок, которые Херберт Штайнер⁵² прислал мне из Цюриха. Из них мне больше всего пришлось по душе стихотворение под заглавием «Мать», в нем была какая-то энергия. Фридрих Георг высказался в том смысле, что стихи, в которых

⁵² Херберт Штайнер (1892–1966) – издатель литературного журнала «Корона», который играл значительную роль в европейской культуре 1930-х годов.

чувствуется волнение стихий, ему сегодня больше не удаются, потому что его язык отныне больше обращен на изображение неподвижного. Затем беседа о поэтическом образе любовных чар, о Рембо, Родене, об Эрехтейоне на Акрополе. Близость Фридриха Георга с детских лет служит мне огромным утешением.

Кирххорст, 5 июня 1939 года

В палящий зной мотыжил картофель, чтобы поскорее погибла сорная трава. И всё ж эти дни я нахожу гораздо менее изматывающими, нежели духоту в разгар лета на Боденском озере, когда горячий воздух дрожит под стеклянным куполом. Мне даже кажется, что такое тепло стимулирует.

Шатобриан. Людовик XVIII пишет Деказу о его книгах, что читает их «un peu en diagonale»⁵³. Вийель высказывает следующее мнение о Шатобриане:

«Я не ревную к тому, что в нем значительно больше ума, чем во мне. Однако рассудок у меня сильнее, чем у него, тут не ум дает указания рассудку, а наоборот».

Между тем уже само это замечание предполагает наличие ума.

За ужином я потчевал всех шербетом из цветов акации. Фридрих Георг с удовольствием отметил его восточный аро-

⁵³ «Немного по диагонали» (франц.).

мат, добавив, что в охлажденном виде он стал бы, возможно, еще лучше.

Кирххорст, 10 июня 1939 года

В сильный зной мы пасынковали высокую иву, которая росла перед айвовыми и сливовыми деревцами и отнимала у них свет и воздух. Сделать это посоветовал мне сосед Кольсхорн, ныне лежащий при смерти. Мы разговорились о том, насколько глубоко, быть может, его судьба соотносится с судьбой дерева. Затем о мандарине у Дидро, который описывается в похожей связи. Речь идет о том, что способ, каким в Париже совершается отцеубийство, находится в полной гармонии с тем, встает ли китайский мандарин со своего ложа с правой или с левой ноги. Мысль, в своей духовной механике весьма характерная для восемнадцатого столетия, сколь и поучительная в отношении магии, сокрытой в изящных завитках и вычурных фразах.

Изысканное благоухание очищенной ивовой древесины и коры, от которых в жару растекается прохладный запах свежей огуречной мякоти.

Кирххорст, 11 июня 1939 года

Снова у гроссхорстского дуба. В жарком поле беседуем

о том, что дарвинизм нанизывает всё творение словно на стальной стержень. Фридрих Георг: «Животные в нем похожи на цветы из оцинкованной жести». Шопенгауэр в своих высказываниях по сравнительной анатомии показал всю ничтожность такого рода попыток еще до их появления. В этом его большая заслуга, по крайней мере перед думающими людьми. Тем не менее по законам духовной механики такие теории должны быть пройдены в полном объеме и при этом принести плоды, ибо внутри себя они остаются истинными. Конечно, на низших, эмпирических ступенях истина более утомительна и связана с более интенсивным движением. На сей счет есть поговорка: дурная голова ногам покою не дает.

На чашку кофе к нам зашел один финский профессор с женой и ребенком и передал мне привет от Магистра из Осло. Он высказал мнение, что осенью Польша, похоже, развалится, хотя это представляется мне не столь уж бесспорным. На примере гостя я уяснил себе положение отдельного ученого, который нынче оказался в большой опасности. Оно напоминает положение рабочего у станка. Человек обособился от труда, ставшего автономным, и отныне сам перестает быть незаменимым. Его можно сменить, как механическую деталь, да к тому же результаты, которых он добивается, и даже его достижения рождаются вне его и инструментируют ход событий больше, нежели если бы они были сцеплены с ним. Незаменимость человека убывает вместе с его оригинальностью.

нальностью, а с ней – и уважение к нему. Зато надежность таких людей, как Пауль Герхардт⁵⁴, напротив, в годы гонений неизмеримо возрастает.

Кирххорст, 15 июня 1939 года

Закончил Шпенглера. «Всемирная история второго до-христианского тысячелетия» – одно из последних его сочинений, в котором все нити очень прочно удерживаются в руках. Что ни говори, а этот автор в своих заблуждениях куда значительнее оппонентов со всеми их истинами. Тайна его языка заключается в том, что он имеет сердце и ему по плечу великие катастрофы. В прозе Шпенглера заключено стремление доходить до последних пределов.

Кирххорст, 18 июня 1939 года

С субботы на воскресенье – визит Эдмонда⁵⁵ и Арнольта

⁵⁴ Пауль Герхард (1607–1676) – автор текстов духовных лютеранских песнопений. В 1657–1667 годах – диакон в церкви Св. Николая в Берлине; затем лишился этого поста из-за отказа подписать эдикт толерантности курфюрста Фридриха Вильгельма I.

⁵⁵ Под этим именем в дневниках Э. Юнгера фигурирует литературовед Эдмунд Шульц-старший (1901–1965), с которым автор познакомился во второй половине 1920-х годов, живя в Берлине. Э. Шульц был знатоком творчества Ф. М. Достоевского, и не без его влияния Юнгер в те годы запоем читал русских классиков: Карамзина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и других.

Броннена⁵⁶. Встреча прошла в приятной атмосфере. Эдмонд не отпускал от себя сына, как две капли воды похожего на покойную мать. То же кроткое, ночное выражение совиных глаз, с тяжелыми, подернутыми белым пушком веками. Чтобы сделать подобное наблюдение, надо всё-таки дожить до седины, надо видеть смену поколений.

В почте – письмо от Шторха. Он где-то в Бразилии по двенадцать часов в сутки сушит бананы перед раскаленной печью в компании какого-то негра, а ночами корпит над своими дневниками. Полагает, что вызовет изумление своей работоспособностью. Действительно, есть в нас резервы непознанного свойства. Правду говорит пословица, что вместе с дыханием Господь наделил нас и силой для него. То же касается и лишений.

Кирххорст, 21 июня 1939 года

«Мраморные утесы». Работа продвигается медленно, потому что я стараюсь довести текст до совершенства, отшлифовать каждое предложение, хотя впечатление, возможно, мало изменилось бы, разрабатывая я некоторые отрывки не

⁵⁶ Арнольд Броннен (1895–1959; настоящее имя Арнольд Броннер) – австрийский писатель и драматург. Наряду с Б. Брехтом и Ф. Брукнером принадлежал к числу главных авангардистов Берлина 1920-х годов. Для его политической позиции характерны метания от крайне левых к крайне правым взглядам, и наоборот. Автор романов, пьес и воспоминаний.

столь въедливо. К сожалению, мне не хватает раскованности. Добиваться легкости вдвое труднее, потому что приходится переделывать уже законченные места. Это противоречит законам экономии. Я вспоминаю при этом маленькую статуэтку, виденную мною в каком-то монастыре Баии⁵⁷: поверхность грунтовки она была позолочена и раскрашена поверх золота, а не наоборот.

В опусе оживает то целое, которое не складывается из суммы предложений. Целое подобно рельсам: читатель словно на крыльях проносится над всеми неровностями и незавершенностями замысла. Оно рождает в читателе вдохновение – бесценный дар.

Кирххорст, 25 июня 1939 года

На кофе пожаловал д-р Остерн, прибывший с Родоса. Мы беседовали о дороге вдоль побережья у Трианды и о долине Родино, всё еще памятной мне своей удивительной свежестью. Он считает, что в этом месте находилась риторская школа. Затем о Крите, где мне хотелось бы провести следующее лето; он мне очень рекомендовал.

С почтой – дневники Жид⁵⁸ с 1889 по 1939 год, подарок

⁵⁷ Баия – одна из провинции Бразилии.

⁵⁸ Андре Жид (1869–1951) – известный французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947), переводчик (Гёте, Шекспир, Пушкин и др.), автор многочисленных рассказов, романов, пьес, стихов и воспоминаний. Первая его встре-

Эркюля.

Кирххорст, 3 июля 1939 года

Сад начинает давать по-настоящему хороший урожай. Грядки постепенно освобождаются под повторную высадку.

Во сне я увидел эскадрилью боевых самолетов над вымершим пейзажем, один из них при третьем залпе зенитной батареи, загоревшись, рухнул на землю. Сцена разыгрывалась посреди абсолютно механизированного мира; я созерцал ее со злорадным удовлетворением. Впечатление было более сильным и пронзительным, чем во время мировой войны, потому что нарастала рациональность происходящего. Ничего случайного – самолеты, словно заряженные электричеством, кружили над точно так же стоящим под напряжением миром. Попадание приводило к возникновению смертельного замыкания.

Потом раздольные поля, по которым бежали уборочные машины; управлявшего ими человека было не видно. Лишь по одной стерне шла огромная борона. Ее тянули запряженные в нее охристого цвета рабы, подгоняемые исполинского роста надсмотрщиком. Он бил их, пока они не начинали

ча с Э. Юнгером состоялась в 1937 году. Летом 1938 года Юнгер снова посетил Жиду во время своего очередного пребывания в Париже. В своем дневнике за 1942 год Жид высоко отзывался о первой книге Э. Юнгера «В стальных грозах» и сожалел, что в момент их встречи еще не читал «Садов и дорог», «иначе наша беседа протекала бы совсем по-другому».

кричать и не падали, потом он бил их, пока они не переставали кричать. Здесь тупое применение силы неприятно сочеталось с тупым страданием, что доводило меня до отчаяния.

Днем, когда я возился в саду, этот сон снова пришел мне на ум. Теперь я посчитал его неким предостережением; я отдавал себе отчет в той ответственности, какую несет с собой такого рода проницательность.

Кирххорст, 4 июля 1939 года

Во второй половине дня к нам завернул д-р Герстбергер: он живет в Фишерхуде у фрау Рильке. От знатоков я слышал, что его считают одним из самых сильных наших талантов в музыке. Хотя сам я не могу судить об этом, однако нахожу подобное утверждение вполне обоснованным. По внешнему виду можно очень точно увидеть, достиг ли человек высот в своей специальности – если распознать в нем *ту* часть, которая составляет его особенность. Найдя центр тяжести, мы узнаем и о распределении масс в данном теле. Разговор о Вагнере, Верди, Бизе.

В саду у ограды из рассеянных ветром семян зацвел душистый горошек. Изысканные краски – нежная краснота лосося, кремово-желтая и фиолетовая, словно нанесенная кисточкой на сырой грунт.

Кирххорст, 7 июля 1939 года

Закончил: Леон Блуа⁵⁹, «La femme pauvre»⁶⁰. Самый коварный подводный риф в любом романе – соблазн включить в действие собственные рефлексии, а потому самые умные и становятся его жертвой. Здесь прямо-таки россыпи идей для томика эссе.

Блуа представляет собой двойной кристалл из алмаза и нечистот. Наиболее часто употребляется им слово «ordure»⁶¹. Его герой Маршенуар говорит о себе, что войдет в рай с короной, свитой из человеческого кала. Мадам Шапюи хороша только в качестве тряпки при корыте для обмывания трупов в лепрозории. В каком-то парижском саду, который он описывает, стоит такой смрад, что даже кривоногим дервишем, этим живодером, который убирал павших от чумы верблюдов, овладела мания преследования. У мадам Пуло под черной сорочкой – грудь, похожая на вываленный в грязи кусок телятины, который, обоссав мимоходом, за ненадобностью бросает даже свора собак. И так до беско-

⁵⁹ Леон Блуа (1846–1917) – французский писатель католического направления. Не добившийся при жизни широкого признания, он тем не менее оказал серьезное влияние на литературу неокатолического модерна (Бернанос, Мориак, Клодель и др.). Э. Юнгера привлекала в нем прежде всего не сокрушаемая никакими человеческими падениями вера в Бога.

⁶⁰ «Бедная женщина» (франц.).

⁶¹ Грязь, отбросы, мусор; экскременты (франц.).

нечности.

А между тем эти сцены пересыпаны отточенными и верными сентенциями вроде «La Fkte de l'homme, c'est de voir mourir ce qui ne paraot pas mortel»⁶².

На странице 169 пример того, каких образов следует избегать: «La ligne impérieuse du nez aquilin, dont les ailes battaient continuellement»⁶³.

Кирххорст, 9 июля 1939 года

«Мраморные утесы». Удивительно, как в ходе работы у меня ускользает из виду целое. При вышивании то же самое – внимание поглощено иголкой и стежком; остальная ткань остается вне поля зрения.

«Упаковка» предложений, фрагментами которых я в большинстве случаев свободно владею. Однако мне стоит труда уложить их, словно бы в некую коробку – по возможности экономно и рачительно. В идеальном предложении каждое слово должно обладать той долей акцента и веса, каких оно требует.

⁶² «Праздник человека состоит в том, чтобы видеть, как умирает то, что не кажется смертным» (*франц.*).

⁶³ «Повелительная линия орлиного носа, крылья которого непрестанно билась» (*франц.*).

Кирххорст, 17 июля 1939 года

С 13 по 15 июля в гостях у нас был Нигринус⁶⁴: нынче он изучает в Гамбурге этнологию. Мы отправились в жаркие сосновые леса в окрестностях Колсхорна и там беседовали о масках, оружии, рыбной ловле, островах Южного полушария и о жизни в каменном веке, которая по праву считается наиболее гармоничной, если уж говорить о потерянном рае. В смысле нарастающего движения модерн начинается еще с эпохи металла. И там же находится перелом, отделяющий сказку от мифа. Я рад, что он занимается этими вещами, и всё же он выразил страстное желание видеть скорейшее начало войны.

Мне бросилась в глаза физиогномическая перемена в нем. Пламя жизни, опалая нас, оставляет на нас метки, похожие на рубцы от ожогов. На щеках, где у детей обычно расположены ямочки, образуются раны, словно от сгоревшего пороха. Глаза, прежде походившие на сверкающие зеркала, обретают тогда остроту, и всё же в их глубине таится зверь, которому приходится прыгать через горящие обручи. Человек нередко выходит из жизненного пожара обжегшийся и потерянный, как то довелось мне наблюдать у княгини⁶⁵.

⁶⁴ Манфред Шварц (1914–1988) – впоследствии редактор передач о культуре на Баварском телевидении.

⁶⁵ Die Fürstin – псевдоним графини Софи Дороте фон Подевилльс (1909–1979),

Затем 15 июля прибыл Карл Шмитт⁶⁶, однако гости только успели поприветствовать друг друга. В К. Ш. меня издавна поражала какая-то ладность и стройность мысли, которая производила впечатление действительной власти. За бокалом вина оно проявляется еще сильнее: тогда он сидит неподвижно, с ярким румянцем на лице, будто некий идол.

Мы перебрали множество тем и коснулись императора Андроника⁶⁷: на него я вышел благодаря Блуа. Долгие годы проправив как тиран, он был в конце концов свергнут и попал в лапы византийской черни. Изо дня в день та подвергала его смертельным пыткам, а он в страхе тщился сохранить

поэтессы и переводчицы, урожденной фон Хиршберг, супруги графа Клеменса фон Подевилля, сына офицера из аристократической семьи, который выбрал писательскую стезю. Эта супружеская чета входила в круг ближайших друзей Э. Юнгера.

⁶⁶ Карл Шмитт (1888–1985), крупный немецкий юрист и политический философ. Преподавал право в университетах Бонна (1922), Берлина (1926), Кёльна (1933). Противник Веймарской республики и автор знаменитого трактата «Понятие политического» (1927), где вводится различие «друг – враг» как основной принцип политики. В 1933 году возглавил кафедру права в Берлине, а в 1934-м выступил с теоретическим оправданием политического убийства Рема. После Второй мировой войны, получив запрет на преподавание, вел тихую жизнь ученого в Плеттенберге (Вестфалия). Юнгер и Шмитт впервые встретились в Берлине в 1930 году, их общение и насыщенная переписка продолжались до самой смерти Шмитта в 1985-м.

⁶⁷ Андроник I Комнин (около 1123–1185), византийский император с 1183 года. Добившись поддержки народных масс демагогическими речами, захватил престол. Проводил разрушительную политику террора по отношению к аристократии, не улучшая при этом положения простого народа. Свергнут знатью Константинополя с помощью народных масс, подвергнут истязаниям и казнен.

жизнь и сознание, как оберегают свечу от слишком сильных порывов ветра. Угнетенные, точно рой насекомых, сводили счеты со свергнувшим тираном. Последние слова: «О Боже, почто допускаешь ты, чтоб нескончаемо попирали ногами и без того уже сломанный стебель?» Затем увидели, как он поднес ко рту руку, быть может, чтобы отсосать кровь, текущую туда из раны.

Карл Шмитт симпатичен тем, что, несмотря на свои пятьдесят лет, всё еще способен удивляться. Ведь большинство людей весьма скоро начинают воспринимать в жизни новый факт лишь в той мере, в какой он имеет отношение к их системе либо полностью отвечает их интересам. У них атрофировано удовольствие от явления как такового и его многообразия в себе – тот эрос, благодаря которому дух принимает новое впечатление подобно семени.

Кирххорст, 18 июля 1939 года

Во время эпидемии холеры в Гамбурге слово «гамбуржец» стало употребляться в Германии как ругательство. Тогда же моему отцу случилось услышать в Ганновере, как два уличных мальчишки кричали вслед какому-то приезжему: «Эй, гамбуржец!» Сей факт произвел на него сильное впечатление.

Странное недовольство при воспоминании о некоторых событиях. Хотелось бы еще раз пережить их; кажется, будто

ты позабыл самое главное в том моменте. Быть может, это признак того, что существует некое абсолютное событие, которое переживается в событии эмпирическом лишь отчасти.

Мысль, что в жизненном ландшафте есть некие пещерные входы, сокрытые при свете дня. В сумерках мы вступаем в них и затем идем, потерянные для мира, как гейстербахский монах. Такова преисподняя, таковы безумие, магия, смерть. Ужасно, когда мы видим, как ближние рядом с нами исчезают, скрываются из виду. Когда человеческий голос отзывается эхом, он звучит как-то особенно, в других условиях такой звук не услышишь.

Кирххорст, 19 июля 1939 года

После купания неспешно идем и беседуем о положении звезд, под влиянием которого находятся эти годы. Люди подобны созданиям, живущим в мутной воде и не знающим своего местонахождения. А ведь более острый глаз разглядел бы их, увидел в них вежи, стоящие в строгом порядке. Быть может, недостаточное понимание обстоятельств является существенным моментом в механизме истории, ибо влечет за собой слепоту в отношении реальной опасности и тем самым порождает отвагу с ее судьбоносными поступками. Между тем есть знаки, благодаря силе которых ситуация в один миг может проясниться. Они, словно ракеты, вспыхивают в темном предгорье.

Купальня: небольшой пруд в старом глиняном карьере, который лежит по дороге в Лонэ. Округлая поверхность его почти до середины заполонена коричневыми листьями частухи; оводы выписывают над ней причудливые фигуры. Вода глубока и покойна, и с глинистого дна прохладным бульканьем поднимаются кверху пузырьки гнили. Берега вытоптаны пасущейся скотиной; стрекозы греются в камышах — эти водяные девы в алую, пепельно-голубую, черную и зеленую сеточку, а еще совсем бесцветные, с темным бантиком крыльев, выставляют на солнышко свои тельца, похожие на тонкие яркие побеги бамбука. Ласточки прилетают с крестьянских дворов и, охотясь на поденок, чиркают грудкой по воде. Крошечный затон, точно ресницами, опушен камышом и высоким ситником. Даже в нем водится рыба и гостит нойвармбюхенский аист, который знай себе нанизывает лягушек на клюв. Здесь тоже правит Нептун через своих слуг, водяного и того духа, что обитает в источниках. А посему тут царит отрадная свежесть, которую дарит стихия.

Кирххорст, 23 июля 1939 года

С Фридрихом Георгом, который вчера завершил свою работу о технике, в зоопарке: в это воскресенье входные билеты продавались по сниженной стоимости. Вид народных масс действует угнетающе, однако не следует забывать, что взираешь на них холодным оком статистики. Отдель-

ный человек всегда значительнее, чем представляется такому взгляду. И часто он подобен зерну, которое в засуху совсем высохло, стало невзрачным, но всё же в самой своей сердцевине скрывает зеленый росток. В первую очередь следует думать о том, чтобы прежде всего сохранить человека *в себе*.

Крокодиловый сторож, птица величиной со скворца, подвижная, с очень приятным переливом серого и розового цветов. Если б земные звери, как мне нередко мнится в часы уныния, все оказались истреблены, они тем не менее сохранились бы в неприкосновенности. Они покоятся в Творце, а уничтожается только их видимость. Всякое разрушение отнимает у образов лишь тени.

Кирххорст, 28 июля 1939 года

Ближе к вечеру я закончил «Мраморные утесы». Мне кажется, что они получились приблизительно такими, как я и задумывал – за исключением тех мест, где ум излишне перенапрягался, так что язык оказывался под давлением и кристаллизовался; там он уподобляется потоку, несущему глыбы. Я же добиваюсь того, чтобы в прозе не было колебаний и поворотов, чтобы она была основательной, прочной. Предложения должны возникать в сознании, как гладиаторы выходят на арену. Однако здесь одного желания мало.

Кирххорст, 9 августа 1939 года

На несколько дней сюда с визитом наведася Бодо⁶⁸, с прежней самоуверенностью, подчас напоминавшей мне магию. Просто поразительно это соединение острого, всегда бодрствующего интеллекта со странной, порой граничащей с чудачеством личностью. С одной стороны, в нем, безусловно, есть гофмановские черты, с другой, он напоминает даровитого кантианца, какие еще попадались лет сто назад. Он выходец из одной неизвестной мне силезской провинции, но в нем вместе с тем живет и нечто совершенно чужое, тамерлановское, что обнаруживается даже физиогномически. А отсюда, вероятно, и свойственный ему способ мыслить большими пространствами с элементами абстрактной жестокости. Еще ему свойственна приветливость, и я вспоминаю приятные ночи, проведенные вместе за пуншем. Однажды, навестив Бодо в его берлинском жилище, я нашел его в библиотеке за изучением нарисованной им же самим

⁶⁸ Также Бого или Богумил. Под этими именами в дневниках фигурирует Фридрих Хильшер (1902–1990), один из наиболее ярких консервативно-революционных публицистов периода Веймарской республики, противник национал-социализма, автор политико-философской книги «Рейх» (1931). В 1933 году порвал с Евангелической церковью и основал подпольную общину «Свободной церкви», выступив как провозвестник нового религиозного учения с элементами пантеизма. Несмотря на миссионерский пыл Хильшера (особенно в 1950-х годах), Юнгер поддерживал с ним переписку до 1980-х.

карты огромной империи. Перед окном он рассыпал птичий корм; оттуда вдоль книжных полок вели хитрые цепочки семян, завлекая синиц и зябликов вглубь помещения. Получалось, он как бы сидел в вольере. Две вещи достойны в нем похвалы – во-первых, неподкупное чувство духовной иерархии и, во-вторых, объем его теологических познаний.

Тем временем я продолжаю переписывать набело рукопись «Мраморных утесов». *Рихтовка* предложений – будто выравниваешь рельсы. Сегодня я решил в некоторых случаях отступить от правила, согласно которому при большом количестве подлежащих сказуемое непременно должно ставиться во множественном числе. Это оказывается излишним там, где подлежащие могут рассматриваться как *одно* понятие и где их можно словно бы заключить в скобки. «Старая хлеб-соль помнится». Речь идет об одном из пограничных споров между логическим и грамматическим содержанием языка, которые никак не утихнут. Аналогично поступаешь при большом количестве подлежащих, простым перечислением которых желаешь риторически усилить единство. «Муж, супруг, отец *имелся* здесь в виду!» Здесь характер подлежащего проскальзывает сквозь череду имен и передает последнему скипетр, управляющий предложением. Можно было бы вспомнить в этой связи о бильярдных шарах, когда сила удара передается от одного к другому. И один из грамматических корней тоже, без сомнения, возникает из механики.

Кирххорст, 10 августа 1939 года

В окрестностях Лонэ, пошли собирать грибы. Однако нашли только небольшое количество боровиков на поляне да один-единственный каштановый гриб в сосновом бору. Разговор при виде мертвого голубя – о голубе, который живет во всех голубях и который никогда не будет растерзан ни одним ястребом. Затем об идее Платона, этом неисчерпаемом источнике разговоров и различий, что длится уже много сотен лет.

Осень едва заметными приметами уже заявляет о себе, и посему я возобновляю сибаритскую привычку проводить в постели лишние полчаса за чтением. Сегодня, например, читал «Сирийскую богиню», сочинение Лукиана, подлинность которого (пожалуй, вполне справедливо) подвергается сомнению. Даже в эти времена еще многое сохранилось от красочного и пугающего очарования мира Геродота. Так, будучи просвещенным римлянином, уже знавшим о существовании христиан, можно было спокойно смотреть на два громадных фаллоса в переднем дворике храма, где высился бронзовый член Комбабуса⁶⁹. Была мантическая практика: на один из этих фаллосов дважды в год забирался человек, как вскарабкиваются на пальмовый ствол, и просиживал там семь дней

⁶⁹ Или: Камбабус – евнух-жрец Кубалы (Кибелы), Великой Матери, в Передней Азии.

как в аистинном гнезде. О подлинном смысле этих действий автор, совсем не по-лукиановски, а на манер Геродота, умалчивает.

Кирххорст, 12 августа 1939 года

Ближе к полудню я завершил переписывание набело «Мраморных утесов» и, снабдив первоначальный текст да-той, положил его в шкаф для бумаг. После обеда в облюбованном нами небольшом бургдорфском кафе подробно обсудил с Фридрихом Георгом как с первым читателем фигуры новеллы. Сразу же выявились такие черты, о которых я и не задумывался, записывая на бумагу, но теперь они стали для меня очевидными. Так построения отъединяются от автора и продолжают жить своей жизнью в тех местах, о которых ему ничего не известно. Однако в языке должно быть что-то недосказанное, должна сохраняться первичная материя, в противном случае все построения скоро поблекнут. Они должны нести с собой землю.

Коснулись мы и политических ауспиций, и Фридрих Георг резюмировал: «Или они запретят книгу в первые же две недели, или не запретят никогда».

Кирххорст, 16 августа 1939 года

Сны о поездке в лифте, неприятные, как почти все сны, связанные с техникой. Кроме того, лестницы без перил или внезапно обрывающиеся в хаос бездны. Мир как запутанная архитектура.

Беспорядок мира в иные дни становится почти неодолимым, так что просто отчаиваешься когда-нибудь обуздать его. Тогда я привожу в порядок письменный стол, белье, садовый инструмент, но делаю всё с глубокой внутренней неохотой. Не последнюю роль, видимо, играет сознание того, что всё, что бы мы ни создали и ни накопили, обратится в прах. Подобные дни лучше всего проводить в постели и, конечно же, не начинать в них ничего нового.

С почтой – роман «*Aldeia das águias*»⁷⁰ португальского писателя Гедиша де Аморима с посвящением автора, которое я не разобрал.

Кирххорст, 19 августа 1939 года

Два дня в Гамбурге. Даже когда посещаешь большие города через короткие промежутки времени, в глаза всякий раз бросается нарастание автоматического характера. Примеча-

⁷⁰ «Деревня плутов» (*порт.*).

тельно, что в равной степени возрастает ощущение летаргического сна, отсутствия, выпадения из мира. Читаешь это по лицам отдельных людей, наблюдая, как циркулируют массы, с каким видом сидят за рулем машин шоферы. Кажется, что в сущности своей они лишены даже малейшей капли сознания, хотя *форма* говорит об обратном.

В технике, без сомнения, есть что-то одурманивающее. Достаточно вспомнить о чистой геометрии форм на автобанах – квадратах, окружностях, овалах и прямых, от которых приходилось отклоняться, чтобы водители не засыпали на дорогах. То же самое касается и ее ритма – быстрых, бравурных и поющих тактов, включений и выключений, плавной работы и монотонности одной большой колыбельной песни. Это особенно хорошо заметно там, где она становится предметом созерцания. Пропаганда с ее черно-белыми схемами и монотонным повторением оказывается не чем иным, как разновидностью техники. Зрители, толпой вытекающие из кинотеатра, похожи на массу очнувшихся ото сна людей, а наполненные механической музыкой помещения чем-то напоминают атмосферу опиумного притона.

Лучшее всего полностью автоматизированное состояние передано в новелле «Низвержение в Мальстрём» Э. А. По, которого Гонкуры в своих дневниках давно и справедливо назвали первым автором XX столетия. В них можно четко различить образ действия обоих братьев: один из них, ослепленный жутким зрелищем механизма, движется в бессон-

знательных рефлексах, тогда как другой действует вдумчиво, с чувством – и выживает. В этой фигуре По, кроме того, явлена в сконцентрированном виде и ответственность элит, становящихся всё малочисленнее.

Кирххорст, 26 августа 1939 года

В девять часов утра, когда я, еще лежа в постели, изучал Геродота, Луиза принесла наверх приказ о мобилизации, в котором мне предписывалось прибыть к 30 августа в Целле. Я совсем не был удивлен, поскольку картина войны изо дня в день вырисовывалась всё отчетливее.

После обеда – в Ганновер, где кое-что еще нужно было привести в порядок и завершить, в частности приобрести камфару для моих коллекций.

Кирххорст, 28 августа 1939 года

Во всех странах продолжается мобилизация. Еще, казалось бы, мог появиться *deus ex machina*⁷¹. Но что это могло бы дать? Максимум – отсрочку. Накопилась такая масса противоречий, что разрешить ее можно было только огнем.

⁷¹ Бог из машины (*лат.*) – театральный термин Античности, означающий внезапное появление спасительных высших сил.

Целле, 30 августа 1939 года

Отъезд. Наверху я не без иронии рассмотрел себя в зеркале в лейтенантской форме. Между тем у многих мужчин в Европе, которые даже не помышляли о том, чтоб снова становиться под ружье, дела сегодня складываются, вероятно, аналогичным образом. Что до меня, то подобные вещи я объясняю влиянием Рака в своем гороскопе, благодаря которому я не раз оказывался в прежних состояниях, причем с пользой для себя.

Когда я спустился по лестнице, внизу, в прихожей, мне была вручена телеграмма, подписанная фон Браухичем⁷² и возвещавшая о присвоении мне звания капитана. Я счел это знаком того, что Арес не утратил ко мне благосклонности.

Перед домом я остановил одну из направлявшихся в Целле машин; она принадлежала двум гамбургским купцам, которые после прерванных торговых операций возвращались из Парижа. Рапорт командиру резервного батальона в гигантской казарме, куда толпами стекались призывники. За трапезой я познакомился с офицерами, большинство из которых имели награды за мировую войну, среди них были и

⁷² Вальтер фон Браухич (1881–1948), немецкий генерал-фельдмаршал; в 1938 году был назначен главнокомандующим сухопутными войсками; после возникновения разногласий с Гитлером по поводу стратегического планирования в декабре 1941-го отправлен в отставку; умер в английском плену.

юристы верховного земельного суда. В городе, чтобы закупить снаряжение. На время устроился в отеле «Зандкруг».

Целле, 31 августа 1939 года

Дальнейшие закупки. Надо свыкнуться с мундиром. Ночью, в полусне, я услышал радиоголоса, из которых мне почудилось, будто удалось достичь соглашения с Польшей. Смыслю, как мне хотелось бы провести осень в Кирххорсте, я заснул.

Целле, 1 сентября 1939 года

Утром за завтраком кельнер с многозначительным лицом поинтересовался у меня, слышал ли я уже последние известия. Оказывается, мы вступили в Польшу. Весь день в суеде непрерывных дел я собирал дальнейшие новости, которые в целом подтвердили начало войны, в том числе с Францией и Англией. Вечером немногословные донесения, распоряжения, светомаскировка города.

В десять часов я отправился к Замковому мосту на встречу. Старый город, окруженный Люнебургской пустошью, был погружен во мрак, и люди, словно призрачные тени, двигались в минимуме света. Окутанный матово-голубым мерцанием, замок возвышался, словно старый дворец в сказоч-

ном городе. Сквозь темноту, подобно невесомым танцорам, на велосипедах скользили люди. И время от времени из заполненного водой рва, окаймлявшего замковый парк, доносились всплески тяжелых карпов. Подобно этим животным, восторг тоже порой бросает нас в чужую, более легкую стихию.

Я миновал скамью, на которой сидели две пожилые дамы; одна из них сказала: «Тебе следует учесть, что при всем при том есть и судьба».

Далее в кафе. Вдруг оказавшись в залитой светом зале, где музыка и звон бокалов, не можешь отделаться от впечатления, что попал на тайный пир в пещеру к альбам⁷³. Но и здесь звучат голоса из радиоприемников, сообщающие о бомбежках и вселяющие в людей тревогу.

Целле, 2 сентября 1939 года

Красивая дорога на службу через Французский сад, мимо памятника королеве Каролине Матильде, пасеки и шелководческого хозяйства. Зеленый травяной газон в пору первой осенней прохлады; временами над ним пролетают сойки. Дальше пруд, зеркало которого кое-где колышется от мягких ударов рыбьих плавников, с лебедями и пестрыми утками у берега.

⁷³ Альб – подземный дух в германской мифологии.

В этом фрагменте мира, где достигнуто подлинное развитие, растения словно обретают сознание, и теперь им остается лишь созреть. И тогда это прорисовывается четким контуром – в спокойном великолепии, уверенности и нередко в металлической чеканке жизненной формы. В плодах преобладает пластика, как некогда в цветении – краска и аромат, и теперь это соотношение во всем растении обретает гештальт. Очень красиво смотрятся, например, листья, которые начинают набухать у места крепления, прежде чем сорваться с ветки, особенно на платанах и каштанах.

Бланкенбург, 6 сентября 1939 года

После краткосрочного отпуска снова в Бланкенбурге, где я занимаюсь на курсах. Любая война начинается с учебной подготовки. В Кирххорст я приехал довольно поздно. Мои домашние сидели при свечах в гостиной. В саду зреют фрукты. Виноград тоже уродился на удивление славно для этого северного болотистого уголка, впрочем, свой вклад внесла и кирпичная стена, которая сберегает про запас каждый солнечный лучик.

В отпускном настроении есть что-то от *paradise lost*⁷⁴, поскольку отношения, с которыми мы прежде сталкивались каждый день, сегодня представляются нам какими-то исклю-

⁷⁴ Утраченный рай (англ.).

чительными. Встретившись с чем-то вновь после длительного отсутствия, мы чувствуем, что в его облике появилось нечто призрачное, фантасмагорическое. Жизнь стремится сразу же заполнять пробелы. Со времен Агамемнона материал для трагедии остался неизменным, ее дыхание доносится до нас и теперь, когда мы вернулись в сад, который покинули когда-то давно. Только цветы и плоды расцветали и зрели без нас.

Бланкенбург, 10 сентября 1939 года

Воскресенье. Почти весь день был занят чтением корректур «Мраморных утесов». Достаточно посмотреть, каких мук стоит найти единственно верное выражение, чтобы понять, насколько Арес враждебен музам. Однако тут мало толку от чрезмерных усилий воли — для нее тяжести, которые вынужден поднимать прозаик, слишком легки, слишком невесомы.

Удивительно, как я закончил эту работу «к сроку». Быть может, существуют инстанции, которые пекутся о том, чтобы к блюдам, которые стряпает время, каждый оказывался к месту со своей приправой. Осознавать такие вещи для меня чаще всего мучительно, ведь нам не нравится видеть нити, которыми управляется театр марионеток. Власть свободы настолько сильна, что достаточно даже мечты о ней.

Между свободой и судьбой такое же соотношение, как между центробежной силой и гравитацией – как орбита планет образуется игрой противодействующих сил, так, собственно, и человеческая осанка, то есть вертикальное положение тела, сводится к тому же самому.

Бланкенбург, 12 сентября 1939 года

Осень медленно движется вперед. Бланкенбург – одна из жемчужин среди городов Гарца. Город кажется мне много уютней, чем негостеприимный и беспокойный Гослар. Воздух здесь мягче и почва теплее, как видно уже по растительному покрову. Группы благородных каштанов окаймляют парковые лужайки, которые кругами и полосами пронизывают зеленую местность и, ластясь, приникают к предгорьям. На округлых и вытянутых клумбах с расточительной пышностью разрослась индийская канна с огненно-алыми либо желтыми и пурпурно пламенеющими бутонами на роскошно-зеленых стеблях. Пышность в этом цветке соединяется со строгостью формы, словно отлитой из бронзы. А потому ему место в парках, где вкус совмещен с изобилием. Он представляет собой красу и гордость тропических культур, садов Поля и Виргинии⁷⁵

⁷⁵ Персонажи французского писателя Ж. А. Бернардена де Сен-Пьера (1737–1814). В одноименном романе изображается идиллическая жизнь по законам «природы и добродетели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.